

ИНОЙ РАЗУМ

АНДРЕЙ
ЛИВАДНЫЙ

ПРОТОТИП

Иной разум

Андрей Ливадный

Прототип

«Автор»

2013

Ливадный А. Л.

Прототип / А. Л. Ливадный — «Автор», 2013 — (Иной разум)

ISBN 978-5-699-63639-6

Еще недавно Рауль Ганиев был ведущим архитектором земной колонии на планете Ксеноб. Пустяковый, казалось бы, сбой в работе мозгового импланта превратил интеллигентного архитектора в сверхчеловека, в одиночку расправившегося с группой спецназа, посланной на его уничтожение. А всему виной стал мнемовирус, подхваченный Ганиевым в Святилище Прототипов – месте, где собраны матрицы сознания аборигенов Ксеноба, тысячи лет назад отказавшихся от физических оболочек. Ни сам бывший архитектор, ни те, кто должен был его уничтожить, не догадывались, что это только начало долгой войны за сохранение человеческой расы...

ISBN 978-5-699-63639-6

© Ливадный А. Л., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	22
Глава 3	37
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Ливадный Андрей

Прототип

Пролог

Рауль Ганиев проснулся рано. Приятный голос разбудил его осторожно, ласково.

За окном едва брезжил рассвет. «Сегодня важный день», – вспомнил он, но не вскочил, как бывало, лишь безмятежная улыбка тронула губы. Злобные трели будильника по утрам, суэта подземки, удушливый запах угля, дребезжание состава, толпы народа, – все в прошлом.

Он встал с постели, подошел к окну.

Город с высоты просматривался как на ладони. Радикальные, стремительные перемены коснулись лишь центра и еще не стерли черты недавнего прошлого.

– Что бы ты хотел на завтрак? – все тот же мягкий голос прозвучал в сознании.

Над городскими окраинами, с их дымящими заводскими трубами, приземистыми цехами, уродливой архитектурой бессистемной застройки, царили два изящных, устремленных в небеса современных здания.

Игра противоположностей задевала воображение. Рауль любил город, как стихию, в которой вырос, и вот теперь получил заслуженную возможность повелевать ею.

Рожденный в бараках, он стремительно прошел трудный путь. Начал каменщиком и вот, спустя десять лет, стал архитектором, творцом, а все благодаря взрывообразному развитию высоких технологий, буквально изменивших мир.

Он ничего не ответил прозвучавшему в сознании голосу. Еще не привык, терялся, даже подумывал: а не отключить ли голосовую функцию импланта?

Вид за окном по-прежнему притягивал взгляд. Приземистые кварталы зданий, не поднимающиеся выше двух этажей, принадлежали прошлому. Они пойдут под снос, а на их месте, разделенные широкими проспектами, обрамленные парками, украшенные площадями, к небесам устремятся комплексы ультрасовременных небоскребов.

Жизнь этим утром казалась радостной, светлой, ведь он знал: грань между прошлым и будущим с каждым днем все тоньше. Уродливое, чадающее отравляющее индустриальное наследие темных веков вскоре исчезнет.

Он обернулся.

Посреди квартиры в специально отведенном пространстве сияла голографическая модель города будущего. Его проект. Девять устремленных ввысь кварталов образовывали дугу. Он намеренно использовал сходство со Святилищами Прототипов, но не в силу набожности, скорее из уважения к силам, несущим прогресс и знания, к тайнам прошлого – еще не разгаданным и потому манящим, задевающим воображение.

«Как быстро мы привыкаем к хорошему», – подумал Рауль. Он отдал мысленное распоряжение относительно завтрака, умылся. Часы показывали семь утра. До рассмотрения его проекта Советом Просвещенных осталось два часа.

Он сел в кресло, еще раз критическим взглядом окинул модель города, над которой трудился последние годы. «Подумать только, не так давно я работал при помощи карандаша и бумаги, по ночам, после трудного дня. Мне не хватало знаний и опыта. Большую часть времени отнимали расчеты».

Наверное, тусклую лампочку над деревянным столом в крохотной каморке общежития барачного типа он не забудет никогда. Кипы бумаг, заметки, чертежи, эскизы зданий. Долгий, кропотливый, изматывающий труд.

Еще он навсегда запомнил день, когда впервые увидел нанокomпьютер. Изящная безделушка, похожая на браслет, поначалу не привлекла его внимания, пока хозяин магазинчика не включил прибор, демонстрируя изумленным покупателям.

С того момента жизнь Рауля Ганиева изменилась в корне. Всего за год личные нанокomпы завоевали рынок, превратились из странных, новомодных безделушек в неоценимых помощников. Затем появились средства связи. Каждый месяц – новинка. Откуда они появлялись, никто не догадывался. Многие отвергали перемены, не желали ничего менять: ни уклада жизни, ни психологии, и тогда прогресс, похожий на взрыв, стремительно расслоил общество.

Рядом с дымищими громыхающими механическими повозками на улицах появились почти бесшумные, мощные, изящные автомобили с водородными двигателями. В домах и квартирах теперь тускло сияли стереоэкраны – сферовидение завоевало рынок даже быстрее, чем иные новинки. Вместе с ним в каждый дом пришла еще одна власть. Информация, поданная под определенным ракурсом, влияла на умы, исподволь меняла психологию, внедряя в сознания людей новую систему ценностей.

Раулю в ту пору казалось, что мир просто не выдержит столь стремительных перемен. Столько новых возможностей открывалось, – голова шла кругом. Кто быстро адаптировался к переменам, так это молодежь. Ему же было сложно. Новшества зачастую казались непостижимыми, лежащими выше понимания, за гранью, но на практике все оказывалось просто и постигалось едва ли не интуитивно!

Десять лет... От первого, теперь уже вызывающего ностальгическую улыбку, кажущегося громоздким и «тормознутым» нанокomпа до крохотных самовживляющихся чипов, которыми пока что обладали лишь избранные.

За взрывообразным развитием технологий стояла группа людей, называющих себя «Советом Просвещенных». В течение нескольких лет они совершили бескровную смену власти. Нью-Строунхольд, единственный крупный город на материке, стал столицей новообразованного государства. Промышленный Совет сдался без боя, времена наступили совершенно другие, никто из консерваторов не смог ничего противопоставить средствам массовой информации.

Рауль Ганиев приветствовал перемены. Он словно заново родился.

Допив сок, он встал, прошелся по просторной студии, испытывая растущее волнение, понимая, что после утверждения проекта в его жизни начнется новый этап.

Этап созидания.

* * *

Назначенный час пришел, но огромные стеновые экраны по-прежнему демонстрировали заставку общегородской сети.

Рауль Ганиев не понимал, что случилось? Он несколько раз проверил настройки системы, убедился, что режим конференц-связи работает.

– Нам отказано в доступе. К рассмотрению принят другой проект, – виновато шепнул голос.

Рауль вздрогнул.

– Почему? Как? – он испытал шок.

– Решение принято накануне. Просвещенные не одобрили сходство твоего проекта со Святылищем Прототипов. Они боятся нас, считают своими врагами, – шепнул голос.

В первый момент Рауль, ошарашенный и раздавленный, не обратил внимания на необычное для «внутреннего голоса» построение фраз.

– Я не понимаю! Я ничего не понимаю! Поясни толком! – он сел, обхватил голову руками. В висках пульсировало. Вдруг начало подташнивать.

Крошечная горошина импланта, вживленная за ухом, ответила:

– Культ Прототипов решено уничтожить.

– Но я же ничего об этом не знал!

– Они держат все в тайне. Хотят разрушить Святилища. Уничтожить веру твоих предков.

– Мой проект! Дело моей жизни! – Рауль не мог думать ни о чем другом.

– Люди злы и нетерпимы к тебе, – нашептывал голос. – Ты должен смириться или бороться.

– Как это «бороться»?! – До Рауля постепенно начала доходить вся нелепость ситуации. Приятный женский голос, звучавший в сознании, не более чем функция импланта! Что происходит? Почему система разговаривает со мной так, будто является независимым рассудком?!

Наверное, произошел сбой?! – он порывисто встал, направился к устройству тестирования. – Мой имплант неисправен! – Рауль ухватился за возможность технической неполадки, как хватается утопающий за соломинку. «Никто не отвергал проекта! Просто сбойное устройство исказило информацию!» – лихорадочно думал он, запуская процесс диагностики.

– Имплант тут ни при чем, – не унимался голос.

Рауль замер в замешательстве. За десять лет он поднаторел в компьютерных технологиях, по крайней мере, отчетливо понимал: происходит нечто выходящее из ряда вон.

Он коснулся сенсора на браслете наноконпа.

– Служба технической поддержки?

– Да, слушаю.

– У меня сбоит имплант. Примите код идентификации, – он назвал выученное наизусть сочетание букв и цифр.

– Секунду. Идет проверка.

Рауль переминался с ноги на ногу в томительном ожидании.

– С нашей стороны все в порядке, – ответил оператор службы техподдержки. – В чем конкретно выражен сбой?

Рауль рассказал, волнуясь, сглатывая окончания слов, сбиваясь с мысли. В его душе росла необъяснимая тоска.

– Оставайтесь на месте, – выслушав его, ответил оператор. – Я направляю группу. Пожалуйста, ни с кем не разговаривайте до прибытия специалистов.

– Хорошо, – машинально ответил Рауль. Его руки дрожали. Пот внезапно выступил по всему телу.

Оператор переключился на другую линию, коротко произнес:

– Мнемовирус! Группа немедленного действия – на выезд! Диктую адрес!

– Ты должен бежать! – голос в голове не унимался, звучал все настойчивее.

Рауль сел, сжал ладонями виски. Все плыло перед глазами, на фоне привычной обстановки квартиры проступали неясные, но зловещие силуэты. Он видел огромные, не поддающиеся описанию конструкции, движущиеся во мраке, на фоне холодных немигающих звезд.

– Прекрати! – сдавленно просипел он.

– Тебя уничтожат. Как когда-то подло уничтожили нас!

– Я не слушаю! Не слушаю! Это бред!

Рауль закусил губу. До крови. Тело отказывалось повиноваться. Мысли путались, усилия и движения давались с трудом. Он запаниковал, но вспышка эмоций длилась недолго, она угасла, словно костерок, на который выплеснули ведро воды.

– Ты должен бежать, Рауль. Иначе погибнешь!

– Я не хочу тебя слушать! Ты сбой! Глюк!

– Ошибаешься.

- Имплант удалят, и ты исчезнешь!
- Посмотрим. Хотя ты уже ничего не увидишь.
- Почему?!
- Тебя просто убьют.
- Меня никто и пальцем не тронет! Я ведущий архитектор!
- Мне жаль, Рауль. Искренне жаль. Нам нужно было поговорить раньше.
- Да замолчи же!..

Дверь квартиры внезапно распахнулась.

Он вскочил, увидел людей в странной одежде, похожей на военную экипировку. Оружие в их руках было нацелено на него.

- Что происходит?! – Рауль Ганиев попятился, едва не упал. – Кто вы такие?!
- Лечь на пол! Руки за голову! – раздался глухой голос. Лиц Рауль не видел, их скрывали дымчатые забрала боевых шлемов.

– Это мой дом! – преодолевая страх и замешательство, гневно выкрикнул он.

– У нас широкие полномочия, – глухо ответил тот же голос. – Вы инфицированы мнемовирусом. Когда в последний раз посещали Святилище Прототипов?

– Да не помню уже! В детстве, кажется!

– Уверены?

– Абсолютно! Объясните, что происходит? У меня неисправен имплант, я сообщил в техподдержку! При чем тут какой-то «мнемовирус»?!

В сознании все помутилось. Люди, ворвавшиеся в его квартиру, что-то говорили, но он больше не слышал их слов. Шум в ушах становился все сильнее, затем он исчез.

– Это их канал переговоров, – спокойно сообщил внутренний голос. – Сам послушай, если не веришь мне.

– Он не подчинился. Что нам делать?! Все же – известный человек! Ведущий архитектор! Он только вчера выступал по сферовизору!

– Ликвидируйте его! – пришел категоричный приказ. – Нельзя допустить распространения вируса!

– Убить?!

– Да! Всю аппаратуру обесточить. Группа техников уже в пути. Они займутся поиском источника заражения! У нас нет иного выхода!

Секунда тишины.

– Понял. Действую.

Рауля словно подменили.

Голос в рассудке исчез. Двое бойцов блокировали дверь. Еще двое по бокам, у окон. Командир напротив.

Рауль никогда не умел драться. Он даже спортом не занимался. Его жизнь протекала мирно, человеком он был неконфликтным, беззлобным.

Горечь в душе стала невыносимой. Теперь он в точности знал, что именно произойдет дальше. Его убьют.

Мышцы, до этого момента вялые, непослушные, чужие, сейчас дрожали от перенапряжения. Он превратился в туго сжатую пружину.

«Нам надо выжить! Подчинись рефлексам! Позволь мне разобраться с ними! Я все тебе объясню, но позже!» – прозвучало в голове Рауля.

Он не хотел. Попытался воспротивиться, но не смог. Перед глазами все поплыло. Тело, охваченное ознобом, больше не подчинялось ему.

* * *

Группа техников прибыла на место событий минут через пять.

Толкнув незапертую дверь, они вошли в квартиру по указанному адресу и остолбенели. Тела бойцов лежали на полу. Шлем командира был разбит ударом нечеловеческой силы. Его оружие исчезло.

– Где он?

– Бежал... – один из бойцов со стоном встал с пола, бережно придерживая сломанную руку. – Он не человек, клянусь! Никогда в жизни не видел такой реакции! Крамер стрелял в него. В упор. Но промахнулся. Он уклонился от пуль, вырубил нас и бежал!

Один из техников склонился над командиром группы захвата.

– Он жив! Лицо изуродовано осколками, но дышит!

Глава 1

Десять лет спустя...

Мглистое утро. Лужицы подернуты льдом. Ночью ударил мороз, сковал липкую грязь бездорожья, украсил ветви деревьев пушистым инеем, немного осветлил унылый пейзаж поздней осени.

Стылый воздух обжигал.

Максим Шустов добежал до сложенной из плитняка низкой ограды, присел, жестами указал бойцам их позиции.

Невнятные шорохи крались в предрассветной тишине. Небо светлело у горизонта. Морозная дымка льнула к земле ключьями тумана.

За невысокой оградой начинался фруктовый сад. На голых ветвях деревьев кое-где виднелись несобранные грушевидные плоды, хрупкие багряно-желтые листья ковром устилали землю, по ним тоже бежали узоры инея, дальше темнели дома, заброшенные, осиротевшие.

– Макс, я на позиции, – пришел по связи доклад от снайпера.

Шустова слегка знобило. Слишком много личных воспоминаний невольно пробуждалось в душе. Он родился и вырос на точно такой же ферме. Все выглядело знакомым. Непременный фруктовый сад, типичные постройки, даже темный контур поржавевшей сельхозмашины, вмерзшей в землю среди деревьев, и тот больно задевал за живое.

Казалось, сейчас скрипнет дверь, на крыльцо выйдет отец, окинет хозяйским взглядом подворье, осенит себя знаменем Прототипа, и от Святилища к нему потянутся блуждающие огоньки...

– Шустов, в чем заминка?

Макс сжал зубы, с трудом удержался, чтобы не огрызнуться в ответ на вполне уместный запрос.

Генрих Крамер, – тактический координатор – сейчас комфортно расположился в здании управления, за сотню километров отсюда, наблюдает в режиме он-лайн, как бойцы «спецгруппы», спешно сформированной сегодня ночью из оперативников, оказавшихся на дежурстве, окружают ферму.

Максим включил детектор, взглянул на россыпь алых засечек. Тепловые маркеры семи человек. Не спят, судя по движению сигналов. Более подробной информации термальный сканер не дает. Непонятно, кто эти люди? По-настоящему опасные твари, уже инфицированные мнемовирусом и потому непримиримые или просто последователи веры предков?

– Генрих, дай мне пять минут, – попросил Шустов.

– Зачем? – поинтересовался Крамер. Он сторел за два последних месяца. Относился к происходящему, как к кровавым будням, не испытывал или не показывал переживаний, эмоций, сомнений. Многие уважали его за твердость характера, Максим же недолюбливал, считая излишне жестоким. Эпидемия мнемовируса коснулась каждого. Кого-то уничтожила, кого-то лишь задела вскользь. Шустов до сих пор остро переживал потерю близких. Ничего не мог поделать. Время не вылечило боль, лишь загнало вглубь, а последние события разбередили старую рану.

– Возможно, в доме обыкновенные паломники, – высказал он сомнение. – Вижу Святилище. Попытаюсь его обезвредить.

– Шустов, ты в группе риска, не забывай! – резко ответил Крамер. – Даже не вздумай сунуться к холму! У тебя приказ: работать на поражение. Святилищем займются специалисты. Они в пути!

– Я помню приказ, – сухо ответил Шустов.

– Тогда в чем проблема?

Спорить бесполезно. Крамер прав. Нельзя полагаться на предчувствие... – Макс медлил, что уже непростительно.

Скрипнула дверь.

На крыльцо вышел тщедушный мужичок. Сутулясь, он кутался в поношенный, заляпанный грязью плащ. Макс увеличил изображение, поймал его лицо в фокус видеодатчика.

Боль снова укусила.

Потрепала мужика жизнь. Щеки впали. Небрит. Под глазами залегли глубокие темные тени. Взгляд водянистый, рассеянный.

– Вижу цель. Могу работать! – скупое отреагировал снайпер.

– Отставить. Наблюдаем.

Шустов перевел взгляд на Святилище. Небольшая возвышенность, отмеченная девятью грубо обработанными каменными столбами, будила резкие и болезненные воспоминания.

Огоньки вились между мегалитами. Их происхождение так и не смогла разгадать современная наука. Крошечные, источающие свет объекты не относились ни к царству природы, ни к известным физическим явлениям.

Роятся у столбов. На наше приближение не отреагировали, – он снова взглянул на паломника, мысленно попробовал определить его возраст.

Лет пятьдесят, не меньше.

Мужичок судорожно закашлялся. Вновь открылась дверь, на крыльцо вышла девочка лет семи, – зябко кутаясь в большую не по росту куртку, она что-то тихо спросила у него.

– Серж, контролируй обстановку. О любых изменениях докладывать немедленно! Миллиган, ты остаешься за старшего. Я обезврежу Святилище, – Шустов принял окончательное решение.

Снайпер ответил коротким условным сигналом. Миллиган занервничал.

– Макс, не лезь туда!

– Заткнись и выполняй. Эти двое уж точно не входят в группу риска. Мнемовирус исключен. Сам не видишь?!

– Но приказ...

– Здесь я командую! – отрезал Шустов, хотя понимал и отчасти разделял чувства подчиненных.

«Чаша человеческой терпимости неглубока, – мысль, неуместная, лишняя, чуждая промелькнула, но не ушла, засела занозой. – Невежество и страх перед непонятными явлениями быстро наполняют ее до краев», – горько шепнул внутренний голос, пока Максим, низко пригибаясь, стараясь не шуметь, бежал вдоль невысокой ограды в направлении холма.

– Шустов, что там у тебя происходит?! Почему не начали штурм? – вновь вышел на связь Генрих Крамер.

– Здесь только паломники, – сквозь зубы ответил Максим. – Среди них старик и ребенок! Они не входят в группу риска! Обезврежу Святилище и, возможно, спасем всех!

Крамер лишь грязно выругался. Его неприкрытая ненависть к последователям древней религии известна.

– Я приказываю начать штурм!

Шустов ничего не ответил. До холма уже рукой подать. Крамер видно совсем сдурел от крови, что рекой лилась в последние дни. Говорят, он брал первого из инфицированных,

печально известного Рауля Ганиева. Десять лет назад эпидемию мнемовируса удалось остановить жестокими репрессивными мерами, но сейчас эти методы уже практически не работают!..

Он замер. Со стороны позиций не доносилось ни звука.

Небо на востоке светлело. Блуждающие огоньки постепенно блекли.

«Ни Крамеру, ни другим не понять меня», – подумал Максим, готовясь к рывку через открытое пространство.

Щемящие воспоминания комкали грудь, сдавливало горло.

У него был свой неоплаченный счет к Прототипам.

Старик, девочка, а кто еще в доме? – Шустов соединился с видеокамерой Сереги Серпухова.

Снайпер наблюдал за окнами и дверью. Сквозь неплотно закрытые ставни пробивался мятущийся свет свечи. Еще один довод в пользу обыкновенных паломников. Инфицированные люди ведут себя особым образом. Они перестают обращать внимание на житейские мелочи, словно быт им становится чужд. Холод, зной, ночь или день, – все равно.

Боль в душе постепенно отпустила, оставив гложущую пустоту, но в мыслях по-прежнему прорывались неконтролируемые вспышки воспоминаний.

Он не зря подумал о человеческой терпимости. Приказ ясен, а вот жизнь сложна. Миллиган, Шевцов, Давыдов и Серпухов родились в мегаполисе, на сломе эпох. Вековые уклады размеренной сельской жизни им чужды. И вера в Прототипов – тоже.

Шустов вырос вдали от города. Рядом с их домом располагалось точно такое же древнее сооружение.

Родители не заставляли его слепо верить, но неуклонно воспитывали уважение к таинственным силам. Не страх или подобострастие, а именно уважение. Отец говорил: «Ты, Максимка, может быть, за всю жизнь ни разу и не обратишься за помощью к существам, по образу и подобию которых созданы все люди, но никогда не насмеяйся над верой, уважай традиции.

В среде каждого поколения есть Просвещенные – люди, получившие частицу знания Прототипов. Это невозможно отрицать. Без них мы бы прозябали во тьме деградации и невежества. Они приносят обновление в мир, совершают открытия, позволяющие жить лучше...»

Максим рос любопытным, бесстрашным. Мальчишкой он тайком от взрослых, на свой страх и риск, исследовал Святилище. Несколько сырых, стылых, полуразрушенных подземелий его совершенно не впечатлили. Больше похоже на заброшенные подвалы, соединенные короткими коридорами. Он был откровенно разочарован и надолго утратил интерес к древней постройке, пока не случилась беда.

Мать внезапно и тяжело заболела. Никто не мог ей помочь. Даже врач, которого отец привез из города, лишь беспомощно развел руками, осмотрев больную, и спешно уехал.

Он отчетливо запомнил тот вечер. Стояла ранняя осень. Деревья рдели багрянцем, роняли листву, ветер подхватывал ее, шаловливо кружил, уносил в лес, таинственно шелестел по проселку. В небе еще не выпали звезды, Максим сидел на крыльце, строгая дощечку, когда скрипнула дверь. Отец присел рядом на деревянные ступеньки, долго молчал.

– Пап, ты чего? – первым не выдержал Максим. – Доктор поможет? Почему он так быстро уехал?

– Беда, сынок.

– Он не вылечит маму?

– Нет. В городе тоже многие болеют. Он сказал: это связано со Святилищами. Их решено уничтожить.

– Но... ты же сам учил – так нельзя!

– Боюсь, я только беду сегодня накликал, – сокрушенно ответил отец. – Он донесет на нас. В городе творится настоящее безумие. Люди без причины бросаются друг на друга, убивают.

– Но ведь с мамой все не так! – на глаза Максима вдруг навернулись слезы.

– Знаю. Но горожане настолько перепуганы, что уже не могут отличить обычную инфекцию от их треклятого мнемовируса.

Максим совершенно не понял, о чем идет речь, но чувство тревоги ему передалось.

– Что же делать, папа? – растерянно спросил он.

– Я ходил в Святилище. Просил. Умолял. Они меня не услышали.

– Ты обратился к Прототипам?! – Максим шмыгнул носом, вытер слезы.

– Бесполезно, – тяжело вздохнул отец. – Я уже стар для них, – неожиданно добавил он. – Понимаешь, Прототипы никогда не общаются с людьми старше тридцати пяти лет.

– Почему?

– Этого я не знаю. Но так было всегда. Послушай, сынок, – его голос дрогнул, – попробуй попросить их? Вдруг к тебе они снизойдут?

Максиму стало страшно. Конечно, он любил маму, но мысль о таинственных, бестелесных существах сковывала разум, холодила душу. «Что я им скажу?» В тот вечер ему впервые пришлось задуматься, спросить себя: а верю ли я вообще в их существование?

Максим понурил голову и вдруг ответил, запальчиво, дерзко:

– Я попробую! – он встал, пока не иссякла решимость, но тут же оглянулся, тихо переспросил: – Пап, а как с ними говорить? Что нужно делать?

Отец вскинул взгляд, посмотрел на сына:

– Главное, – говорить от души, от сердца. По-настоящему. Остальное не важно. Нет проверенных формулировок. У каждого свои слова для них.

– Ну, ладно... – мальчонка развернулся и, уже не оглядываясь, медленно пошел в направлении древнего Святилища.

* * *

С тех пор минуло десять лет.

Макс рывком преодолел открытое пространство, присел, маскируясь кустарником, разросшимся у подножия холма.

Огоньки, хоть и поблекли с рассветом, но по-прежнему роились между каменными столбами, никак не реагируя на происходящее.

«Нет вам сегодня добычи», – билась мысль. Шустов отыскал участок просевшей почвы, начал быстро копать. Прихваченная утренним заморозком, густо пронизанная корнями земля поддавалась с трудом, но Максим остервенело рыхлил ее ножом, пока клинок вдруг не провалился в пустоту. Он расширил лаз, убедился: двери нет. Под руку попался лишь фрагмент массивной рамы. Ничего удивительного. Кем бы ни были Прототипы, – они погибли, все до единого. Их убежища, возведенные людьми в ранг «Святилищ», носили очевидные следы разрушений.

Все, лаз уже достаточно широкий.

Шустов вполз внутрь, включил фонарик, осмотрелся. Сырые, серые стены. В трещинах заметны корни растений, на полу земля. Он посветил вперед, увидел вход в центральное помещение. Массивная дверь приоткрыта.

Все происходило, как в тот памятный вечер.

Торец двери царапнул по экипировке. «Уже не мальчишка», – с горечью подумал Максим, с трудом протискиваясь в небольшой зазор.

Центральное помещение озарял тусклый свет. Теперь обстановка «Святилища» воспринималась иначе. Не обломки «мебели» наполняли подземный зал, а разбитая аппаратура, не имеющая ничего общего с современными человеческими технологиями.

Дрожью вдруг окатило спину.

Часть устройств работала! От них исходил тусклый свет!

Шустов на миг замер, охваченный вполне объяснимой робостью. Что-то древнее, неизведанное, обладающее несомненной силой, таилось тут. Взгляд заledenел, мышцы оцепенели, но в поле зрения не попало ни одного блуждающего огонька, и секундная оторопь схлынула.

Он быстро начал устанавливать взрывчатку. Иного способа уничтожения древних бункеров пока не придумали.

Невнятный шепот крался в тишине. Макс работал сноровисто, сосредоточенно и не сразу его расслышал.

Не нужно. Не нужно. Не разрушай...

Мгла внезапно трансформировалась. Ему показалось, что воздух вокруг уплотнился, принимая смутные очертания человекоподобных фигур, окруживших его со всех сторон.

Лиц он не видел, да и не пытался их рассмотреть. Жуть прорывалась ознобом, дыхание снова перехватило.

Он машинально вставил последний детонатор, выпрямился, глядя на едва различимые силуэты, сотканые из сумрака. Если уходить, то сейчас, немедленно. Но придется пройти сквозь них.

Не разрушай нас...

Чувство детской обиды, безысходного отчаянья вдруг вернулось, спазмом схватило за горло. Где же вы были, когда я молил о помощи, предлагая любую цену за спасение матери?!

В тот вечер он просил искренне, звал Прототипов, невольно давясь слезами.

Ему никто не ответил. Лишь рой блуждающих огоньков, обычно витающий между каменными столбами на вершине холма, проник в подземелье, окружил Максима, а затем вдруг отпрянул, словно таинственная сила с их помощью взглянула на мальчишку и... отвергла его.

Теперь он понимал – почему. Две эпидемии мнемовируса вывели четкую закономерность, не противоречащую информации из религиозных источников.

Веками Прототипы снисходили лишь к определенной возрастной группе своих последователей. Почему? Неизвестно. Но и смертельному заболеванию психики, получившему название «мнемовирус», подвержена только группа риска – люди в возрасте от двадцати до тридцати пяти лет. Остальные словно не замечают болезни. Но это стало известно сейчас, а тогда, во время первой вспышки, никто ничего не понимал, не проводил никаких параллелей. Людей просто охватил ужас, наступил хаос.

Юрген Фринцгольф, возглавлявший десять лет назад Совет Просвещенных, дал выход человеческому страху, что называется, направил его в русло, указал на древние сооружения, как на источник таинственного заболевания.

Религия попала под безусловный запрет, большинство Святилищ было уничтожено, сельские регионы опустели, их население перебралось в город, эпидемия действительно резко сошла на нет, но лишь немногие знали, какую цену пришлось заплатить за это.

Тем вечером Максим вернулся из Святилища бледный, осунувшийся, со следами слез на щеках.

Отца он не застал. В доме царила гнетущая тишина. Он, не разуваясь, прошел через гостиную, заглянул в спальню родителей. Восковое лицо матери заставило его подойти ближе, забыть о только что пережитом жесточайшем разочаровании.

– Мама? – он наклонился, пытаясь уловить ее дыхание, машинально потрогал лоб и тут же отшатнулся, мгновенно осознав: она умерла!

Разум мальчика помутился. Он попятился, выскочил из комнаты, громко, хрипло закричал и тут же замер, зажимая рот ладонями: со стороны леса, через приоткрытое окно, доносился приближающийся рокот двигателей.

Он выскочил на улицу, снова замер. Свет фар резал тьму, петлял по проселку между деревьями!

Доктор на нас донес! – бухнула мысль, а три армейских вездехода уже въезжали во двор. С брони спрыгивали вооруженные люди в форме. Максим толком ничего не успел сообразить, как вдруг скрипнула дверь пристройки. Отец вышел на крыльцо, по привычке осенил себя знамением Прототипа.

Древний жест в сочетании с болезненным видом измученного горем человека вызвали мгновенную, яростную реакцию.

– Он инфицирован!

Грянуло несколько выстрелов. Максим видел, как медленно оседал отец, как пытался схватиться за шаткие деревянные перила крыльца, как срывались его пальцы, подкашивались ноги, тело грузнело, перекошенный рот хватал воздух...

Он закричал.

Военные уже окружили дом, ворвались внутрь.

– Тут мальчишка! – выкрикнул один из них, больно схватив Максима за плечо.

– И мертвая женщина! – донеслось из дома через открытое окно.

Высокий, белобрысый, худощавый офицер мельком взглянул на Максима, коротко обронил:

– Святилище подорвать. Мальчишку... – он окатил его пустым, выцветшим от усталости взглядом, – мальчишку пока изолируйте. Если не начнет буянить, заберем с собой в город. Все, времени не терять! У нас еще пять точек на маршруте!

Воспоминания лишь на миг овладели Шустовым. Теперь он отчетливо различал окружившие его призрачные фигуры, но думал уже не о них, куда важнее казались образы старика и пятилетней девочки. Вторая вспышка эпидемии в самом разгаре. Прошло десять лет, а история повторяется. Опять люди сходят с ума, и снова началась охота на ведьм. Всех, кто следует древним традициям, убивают. Специальные подразделения прочесывают материк в поисках уцелевших Святилищ.

Максим обвел взглядом сумеречные силуэты.

По-прежнему хотелось спросить: «Где вы были, когда я молил вас о помощи? Почему не защитили нас? Позволили умереть маме, не отвели пулю от отца?!»

Он сдержался, просто шагнул сквозь них, почувствовав, как тело окатило волной холода, смешанного со странным покалыванием кожи, выскочил в короткий коридор, выбрался через лаз.

Пар вырывался изо рта. Мглистые морозные сумерки уже прорезала полоска зари. Он отбежал метров на десять от холма, присел, коснулся сенсора.

Ударил взрыв. Центральную часть возвышенности выметнуло в небеса столбом ревущего пламени, перемешанного с землей и обломками желтоватого, похожего на старую кость материала.

Деревья вздрогнули, роняя иней.

– Святилище обезврежено. Окружаем дом. Всех, кто не в группе риска, брать живыми!

На командной частоте связи раздался недовольный голос Крамера:

– Шустов, не много ли на себя берешь?

– Они не больны! А мы не звери!

– Ты нарушил приказ!

– А мне плевать! – Максим все же сорвался. – Группа риска определена четко! Пока не разберемся, кто они, зачем пришли сюда, я не открою огонь на поражение!

– Ну-ну, – Крамер не стал орать. – Посмотрим, чем обернется твое своеволие?

* * *

Шустов добежал до низкой ограды. Взрыв отгремел, все стихло. На фоне разгорающегося рассвета теперь виднелась полоска леса, окутанная синеватой дымкой.

– Макс, они вернулись в дом!

– Еще сигналы? – он отдышался.

– Нет.

– Окружаем! Серж? – он переключился на второй канал.

– Ну?

– Девочку и старика не трогай! В остальном действуй по обстановке!

– Макс, ты нам руки вяжешь!

Шустов ничего не ответил. Он уже бежал к темной постройке, петляя между деревьями. Ставни в доме закрыты. Люди внутри.

Миллиган первым занял позицию, вжался в бревенчатую стену у двери. Давыдов обошел дом слева, Шевцов – справа, оба сейчас контролировали окна.

Шустов осмотрелся. Вершину холма окутывал дым. В безветрии он расплзался облаком, крохотные огоньки исчезли. «Нет в них ничего мистического», – лихорадочно думал Максим. Каменные столбы устояли, только один рухнул, скатился по склону и теперь темнел у подножия.

– Дом окружен! – выкрикнул он. – Все, кто по возрасту не попадает в группу риска, могут выйти!

Некоторое время стояла глубокая тишина, затем дверь приоткрылась.

Вышла девочка. Ее бледное лицо не отражало эмоций. Рукава слишком большой куртки волочились по прихваченным инеем доскам крыльца.

– Иди сюда, – Шустов обозначил себя, поманил ее. – Не бойся.

Тусклый огонек промелькнул в проеме приоткрытой двери. Девочка, неотрывно глядя на Шустова, неуверенно спустилась на одну ступеньку и вдруг присела, сжалась.

Одновременно из глубины дома грянули выстрелы, резкие вспышки разорвали сумрак, одна из пуль ударила Максима в плечо, дикая боль мгновенно парализовала правую руку.

Он упал. Девочка не шевелилась. Миллиган рванул с пояса гранату, швырнул ее внутрь дома, схватил ребенка, кубарем скатился с крыльца.

Максим слышал взрыв, видел, как выбило оконные рамы, мимо пролетел дымящийся ставень, упал плашмя.

Пуля застряла в бронежилете. Он со стоном привстал, левой рукой подобрал оружие, пошатываясь, побежал к дому.

Из оконного проема ударила автоматная очередь, вспорола мерзлую землю под ногами. Стрелок резанул наугад, вслепую. Снова вспышки. Над головой срубило пару ветвей. Изнутри дома выталкивало дым, слышался чей-то крик, срывающийся на вой.

Миллиган не шевелился. Он закрыл собой девочку. На его спине расплзлось темно-красное пятно.

На заднем дворе зачастили выстрелы. В пелене дыма вновь промелькнули и исчезли тусклые блуждающие светлячки.

Максим задыхался от боли и ярости. Рой огоньков внутри дома. Они не исчезли с уничтожением Святилища! Что делать?!

Он присел. Опаленная оконная рама тлела. В дыму слышались шаги.

Резко привстав, Шустов трижды выстрелил на звук. Раздался вскрик, что-то мягко упало на пол.

Сгустки холодного света рванулись к нему. Максим отпрянул, огоньки пронесли мимо, закружили над Миллиганом и девочкой.

Короткая перестрелка на заднем дворе стихла.

– Шевцов?!

– У меня двое, – пришел немедленный ответ. – Держу позицию. Все под контролем.

Минус три? Плюс ребенок. Где же еще трое? Прячутся в доме?

Миллиган пошевелился, со стоном попытался привстать. Рой огоньков куда-то исчез.

Спасенная им девочка улучила момент, вывернулась из-под грузного, прикрывшего ее тела, и теперь отползала, с ужасом глядя на него.

– Живой?! – Шустов метнулся к другу.

– Макс, назад! – голос Сереги Серпухова раздался одновременно с сухим, отчетливым выстрелом его снайперской винтовки.

Пуля ударила Миллигана в голову, пробила шлем.

– Серж, ты что творишь?! – взвыл Шустов.

– Он инфицирован! Я видел! Эти огоньки, они...

Окончания фразы Максим не расслышал. Миллиган тряхнул головой, словно получил не смертельное ранение, а крепкий подзатыльник, пошатнувшись, встал на одно колено, резанул короткой очередью по обнаружившейся позиции снайпера.

Максим выстрелил машинально. Сработали рефлексy. Миллиган выронил оружие, но не упал, его лицо исказила гримаса, кровь сочилась из-под разбитого забрала боевого шлема, он улыбался, холодно, отвратительно.

– Всегда недолюбливал тебя, Макс, – он выхватил нож. – Они же просили, не разрушай Святилище! – слова с трудом вырывались из горла Миллигана, на губах пузырилась кровавая пена. – Ты их выпустил... – голос сорвался.

– Кого я выпустил?! – Шустов медленно пятился, держа Миллигана на прицеле.

Хрип. Налитые кровью глаза. Холодный отблеск стали.

Почему Серпухов не стреляет?! Ранен? Убит?

Девочка медленно присела, ее бледные бескровные от холода пальцы вдруг охватили рукоять автоматического пистолета, который выронил Миллиган. Она с трудом приподняла оружие, держа его двумя руками.

– Нет! Брось на землю! Тебя никто не тронет, – Максим замер.

Девочка хищно оскалилась. Ее гримаса в точности копировала выражение лица Миллигана. Проклятье... Они оба инфицированы?!

Макс понял: случилось непоправимое. Рухнул последний критерий, дающий надежду выжить хоть кому-то. Возрастные границы «группы риска» истаяли в морозном утреннем воздухе, исчезли, обернулись тщетой. Теперь уже точно не застрахован никто...

Девочка выстрелила. Пуля с треском впиалась в бревенчатую стену дома.

Ее слабые руки ходили ходуном. Горячий, курящийся дымком ствол пистолета водило из стороны в сторону.

– Брось оружие! – Максим не смог выстрелить в ответ.

Миллиган двигался вяло, из ран хлестала кровь, его силы стремительно таяли, глаза утратили злобное выражение, подернулись поволокой, еще шаг и ноги подкосились, он рухнул на колени, судорожно дернулся и вдруг повалился набок.

Выстрел.

Еще один.

Шустов отпрянул за угол почерневшего сруба, вжался в стену.

Движение справа!

Он резко развернулся. Из дымящегося оконного проема неуклюже выбирался тот самый пожилой паломник. Его одежда была изорвана осколками, испачкана кровью. Перевалившись

через подоконник, он мешковато осел на мерзлую землю, затем вдруг распрямился, заметил Шустова, окатил его полным глубокой ненависти взглядом, выдохнул непонятную фразу на незнакомом языке, бросился вперед, но нарвался на короткую автоматную очередь.

Тишина.

Она оглушила Максима. Все стихло, замерло, ни ветерка, ни шороха, ни звука.

«Где девочка?» – мысли вновь лихорадило. Перед глазами плавали багровые пятна. Он выглянул из-за угла, но увидел лишь три мертвых тела.

– Шевцов? Серпухов? Давыдов?

– Я тут... – раздался в ответ голос Сереги. – Зацепило... Миллиган, тварь...

– Где девочка?

– Да далась она тебе, Макс! К лесу побежала!

Шустов уже сориентировался по звуку голоса, пробежал с десятков шагов, увидел Серпухова, – тот сидел под деревом, двумя руками зажимая рану на правом бедре.

– Дай помогу!

Вдалеке зачастили выстрелы.

– Шевцов?! – Максим туго бинтовал ногу Сереги, стараясь остановить кровь, одновременно озираясь по сторонам.

– Я у холма, – пришел долгожданный ответ. – Двоих снял! – голос прерывался частым сбившимся дыханием. – Каменный столб пытались поднять!

– Сам как?

– Цел.

– Девчонку видел?!

– В лес убежала. Я выстрелил, но промазал...

На миг в душе Максима всколыхнулась острая горечь, сменившаяся неприязнью, словно он только что похоронил еще одного друга.

– Больше никто не ушел? – он заставил себя выцедить вопрос, сквозь сжатые зубы. – Что с Давыдовым? Почему молчит?!

– Он тоже в лес побежал. В него две очереди всадили, – бесцветным, утратившим нотки аффекта голосом ответил Шевцов. – Я сам видел. Две очереди, Макс! А он встал и ушел!

– Подгони машину! Серегу ранило!

Коммуникатор пискнул, автоматически переключаясь на другой канал.

– Шустов, что у тебя? Почему не докладываешь? – зло спросил Крамер.

– Сам не видишь?

– Нет. Видеосвязь отрубилась!

– Миллиган убит, – Максим не стал до поры комментировать обстоятельства его гибели. – Серпухов ранен. Давыдов, видимо, инфицирован, бежал в лес.

– Что с целью? – Крамера, похоже, не интересовали боевые потери.

– Уничтожена, – ответил Максим, немного приходя в себя.

– Возвращайтесь, – ответил Крамер. – Серпухова по дороге завезешь в больницу. А сам ко мне с докладом, понял?!

– У меня Давыдов без вести пропал!

– Я приказываю: возвращаться! – рявкнул Крамер. – Трусами и поиском Давыдова займется специальная команда. Они с технарями уже поблизости от вас.

– Понял... – Шустову не оставалось ничего, кроме как подчиниться. Да и что он вообще мог сейчас сделать?

Вдалеке послышался приближающийся звук двигателя.

Солнце вставало над горизонтом, озаряя стылую землю и притихший лес.

Максим, закончив бинтовать ногу Серпухова, сел, бессильно привалился спиной к посеченному осколками стволу фруктового дерева и закрыл глаза.

Долгий трудный день только начинался.

«Операцию я провалил. Никого не спас. Лишь беды наделал».

«Поздно винить себя, – шепнул внутренний голос. – Ты выжил? Вот и радуйся...»

«Чему радоваться?» – угрюмо спросил себя Максим, глядя на черный дым, поднимающийся над разрушенным Святилищем Прототипов.

«А если бы послушал их, не взорвал? Что изменил бы?»

Внутренний голос почему-то заткнулся, больше ничего не нашептывал, а интуиция подсказывала: нет, Макс, ничего бы ты не изменил. Все предопределено давно, и явно не тобой. Ты – пешка. Усвой и не рыпайся, если жизнь дорога.

* * *

Обратный путь, от заброшенной фермы к городу, тянулся долго. Машину трясло на ухабах, Серега Серпухов сначала стонал, ругался от боли, затем вырубился, когда выехали на шоссе.

Машину вел Шевцов. Максим устроился на переднем пассажирском сиденье и мрачно смотрел по сторонам.

Идти на доклад в Управление совершенно не хотелось. Утренние события давили, смерть Миллигана отзывалась в душе саднящим чувством утраты, от мысли, что тот сейчас лежит в грузовом отсеке спецмашины, небрежно накрытый куском черной пленки, начинало сосать под ложечкой.

Что с Давыдовым, неизвестно.

Максима знобило. Под бронежилетом растекся синяк, но рука понемногу начала двигаться. Думать о провале операции, анализировать свои действия, мысленно критиковать или оправдывать их – занятие пустое. Он уже отправил короткий электронный отчет, приложил к нему файл видео с личного датчика, отчитался по минимуму, что называется, обозначил проблему.

Думать о грядущем попросту страшно. Пока существовали возрастные рамки группы риска, люди еще как-то мирились с происходящим, но теперь начнется массовая паника, а значит, и беспорядки.

Хотя почему? Разве правду откроют? Честно и прямо объявят, мол, ситуация полностью вышла из-под контроля?

Нет. Скорее промолчат, причем под благовидным предлогом. И ты промолчишь. Потому, что так надо. Но действительность все равно вылезет наружу и очень скоро. Шила в мешке не утаишь. Но на пару-тройку дней кризис оттянут, пока не появятся новые внезапные жертвы.

«Прижился ты, Макс, на государственных харчах, – мысли текли тяжелые. – Быстро все забыл. И не оправдывайся тем, что для тринадцатилетнего пацана после смерти родителей был открыт только один путь, в спецшколу, под опеку властей стремительно развивающегося города.

Кем вырос? Кому служишь?

Убийцу отца нашел? А ведь мог бы. Но нет, не искал. Постарался все забыть, похоронить в памяти. Вырастили из тебя послушного солдатики, а вот сегодня всколыхнулось прошлое, аукнулось».

Максим злился на самого себя. Внезапная рефлексия – болезненная, горькая, ничего уже не могла изменить. Ну, на самом деле, куда было податься тринадцатилетнему пацану? Растерянному, озлобленному, замкнутому, потерявшему все в один миг?

«Я ведь толком и не помню тех дней. После смерти родителей словно в черный омут затянуло. Дни мелькали мимо, серые, безликие. Помнилась лишь гложащая пустота в душе. Хотелось оставить все позади. Забыть».

И ведь начал забывать. Шли годы, он постепенно втянулся в новую жизнь, кошмар, как ему казалось, остался в прошлом. Школа с военизированным уклоном. Училище. Жизнь только начала налаживаться, Максим повзрослел, получил работу, появились друзья, он рос вместе со стремительно развивающимся городом и не думал, что прошлое вернется.

Вторая эпидемия мнемовируса началась внезапно, пару месяцев назад. Грянула, как гром среди ясного неба. А ведь первую вспышку неразгаданного, так и не изученного заболевания уже предали забвению. Древнюю религию извели, Святыни Прототипов уничтожили, но, как выяснилось, не все...

Шустов сам не заметил, что окружающее потускнело, выцвело, отдалилось. Усталость после бессонных суток взяла свое, и он ненадолго погрузился в тяжелый мир обрывочных сновидений, задремал под мерное покачивание, шелест крышек и сиплый, баюкающий шепот хорошо отлаженного двигателя.

Он не понимал, где очутился. Замшелый бревенчатый дом выдавило из сумрака, он ощутил себя насмерть перепуганным, вжимающимся в стену.

Место незнакомое. Едва слышный, неразборчивый шепот крался мурашками по телу.

Мшистые нити свисали с деревьев, будто лохмотья разорванного снайперского камуфляжа. Необычно теплый для осенней поры ветерок лениво шевелил их, прикасался к лицу, шумел в кронах неохватных сосен.

«Кто тут?» – он медленно огляделся и вдруг заметил, как в сумраке, чуть выше кустарникового подлеска, между стволами деревьев беззвучно движутся сферические устройства, каждое размером с футбольный мяч.

Он затаил дыхание. Сферы, свободно парящие в воздухе, выглядели чужеродно. Форма их корпусов при внимательном рассмотрении оказалась далеко не идеальной, чуть приплюснутой по бокам, в этих местах выделялись расположенные попарно оружейные подвески, на них крепились какие-то трубки, под покатыми, слегка выступающими приливами брони скрывались датчики систем обнаружения, – такие аналогии промелькнули в рассудке, пока он в немом изумлении пытался рассмотреть загадочные устройства.

Внезапно над головой что-то раскатисто и протяжно гроыхнуло.

Он инстинктивно присел, не отрывая взгляда от загадочных устройств, а те вдруг всполошились, метнулись в разные стороны, на лету огрызаясь лазерными разрядами.

Снова ударил гром.

Лес озарила ярчайшая вспышка синеватого полупрозрачного пламени, деревья внезапно вспыхнули, как спички, пытавшиеся скрыться устройства взвились куда-то ввысь...

...Глубокий судорожный вдох. Максим проснулся мгновенно, открыл глаза.

За окном машины бушевала гроза.

Ветвистые молнии рвали мрак, освещая стены ближайших зданий.

Холодный пот струился по телу. Сердце молотилось как бешеное. Обрывки острых шоковых впечатлений таяли медленно, неохотно, словно сознание старалось удержать их, запомнить.

Вспышка. Раскатистый удар грома.

На миг показалось, что над городом кружит плотная стая сферических механизмов.

Голова разламывалась от боли, виски пульсировали, окружающие предметы двоились перед глазами.

«Нет! Я не мог заболеть!» – бесконтрольный ужас нахлынул приступом тошноты, – заражение мнемовирусом не оставляло никаких шансов, а первым симптомом заболевания были именно видения, бредовые, никак не связанные с реальностью, отражающие некую несуществующую действительность.

Боль в голове медленно отпустила. Он искоса взглянул на Шевцова, но тот сосредоточенно вел машину по безлюдным улицам пригорода. Вокруг царили сумерки, словно сегодня рассвет и не наступал вовсе. Тяжелые грозовые облака клубились над городом.

Максим коснулся сенсора стеклоподъемника. Холодный осенний ветер ворвался в салон, омыл лицо влажным, отрезвляющим прикосновением, снимая одурь кошмарного сна.

Все в порядке. Это просто гроза.

Взгляд Максима постепенно прояснился. Мимо проносились мокнущие под проливным дождем здания. «Сколько же я проспал? Час как минимум. А казалось, только на мгновение закрыл глаза».

Проливной дождь рушился сплошной мутной стеной, полоска электростатического «дворника» едва справлялась.

Грозы над мегаполисом – не редкость, даже осенью. Синоптики говорят, что виной всему так называемый промышленный туман. Выбросы сотен предприятий, пыль, частички сажи, – все это способствует образованию облачности, ускоряет процесс конденсации влаги, возникновению частых электростатических пробоев, – проще говоря – молний.

Максим тряхнул головой, поднял ветровое стекло. Перед глазами все еще стили образы чуждых механизмов, яркая вспышка, горящие деревья, замшелый сруб.

Он не хотел допускать мысли, что заражен мнемовирусом. «Гнать прочь!» – угрюмо думал он, пытаясь разглядеть за стеной дождя знакомые контуры здания Управления общественной безопасности.

Глава 2

Домой Шустов вернулся лишь поздно вечером, усталый, злой и голодный. Остаток дня ушел на составление отчетов, обязательный, придирчивый медицинский осмотр, психологические тесты, – все же он побывал в Святилище и выбрался оттуда. «Эка невидаль», – раздраженно думал Максим. Неприятные процедуры отнимали время и нервы. Одно радовало: с Генрихом Крамером он так и не встретился. Тот куда-то уехал и не появлялся в своем кабинете до конца рабочего дня.

Открыв дверь квартиры, Максим включил свет, поставил на пол баул с экипировкой (всегда забирал снаряжение домой, зная: в любой миг могут позвонить, поднять по тревоге), снял куртку и прошел на кухню.

«Продукты купить забыл!» – запоздало опомнился он, но делать нечего, в холодильнике пусто. Поставил чайник на электрическую плиту, сел за стол, угрюмо разглядывая замысловатый рисунок пластиковой отделки, выполненной в стиле «хай-тек». По стенам и полу змеились стилизованные компьютерные шлейфы, в замысле дизайнера они соединялись с футуристическими сервоприводами, примерно в метре от пола начинали ветвиться, оплетая окно, обвивали ножки стола, вползали на столешницу.

«Устал... Смертельно устал...» – второй месяц Шустов бывал дома только урывками, эпидемия мнемовируса, внезапно накрывшая город, сломала все: уклад жизни, привычки, планы.

Он взъерошил короткие волосы, вспоминая утренние события.

Надорвалось что-то внутри. Миллигана жаль. Давыдова тоже.

Образы роились в сознании.

Выстрелы семилетней девочки больно задели Максима, хоть пули и прошли мимо. Они убили надежду. Наглядно доказали: все будет только хуже. Он запомнил ее глаза, выражение лица, – сначала детский испуг, и вдруг – необъяснимая, взрослая, вполне осознанная неприязнь, даже ненависть ко всем окружающим...

Чайник вскипел, сипло выдохнул облачко пара, плита автоматически отключилась, но Максим даже не шевельнулся, – он смотрел на творение неизвестного ему дизайнера, а перед глазами все плыло, рассудок погружался в серую муть, компьютерные шлейфы и гибкие механические конечности вдруг пришли в движение, формируя образ из пригрезившегося по дороге в город кошмара.

Он просто оцепенел от неожиданности. Разум плел замысловатые нити галлюцинаций, вытаскивая на первый план восприятия жар пожирающего дерева пламени и образы чужеродных устройств, пытающиеся вырваться из зоны поражения плазменной вспышки.

«Проклятье!..» – он с силой сжал виски, отгоняя внезапное наваждение, затем, когда отпустило, встал, открыл окно. Дождь давно прекратился, мглистая сырость дохнула в лицо, далеко внизу медленно двигались габаритные огни машин, желтовато светились окна в доме напротив, под пасмурным небом беззвучно вспыхивали сполохи голографической рекламы. Современный город – это тоже своего рода стихия. Она не сдавалась, хоть и агонизировала, доживала последние дни.

Методы борьбы, по сути, исчерпаны. Лекарство против мнемовируса так и не найдено. Да и болезнь ли это?

Максиму было по-человечески страшно. «Мы все в скором времени погибнем, впад в безумие», – он закрыл окно, прошел в комнату, сел в кресло за персональным компьютером.

Ему бы что-нибудь перекусить да завалиться спать, но... – палец скользнул по сенсорной панели, активируя систему, коснулся пиктограммы выхода в сеть.

До недавнего времени Шустов пытался ладить с самим собой, держал под замком призрак давних событий, верил, что кошмар десятилетней давности больше не повторится. Никогда.

Теперь надежды нет.

Соединение установилось не сразу. В объеме голографического экрана появилась медленно вращающаяся заставка с логотипом «ОКС»¹.

Сеть перегружена. Сбой соединения. Ждите, – надпись вызвала глухое раздражение.

Максим откинулся на спину кресла. Он прятал страх. Давил его, хотя понимал: повтор видения, теперь уже не во сне, а наяву, – это симптом. На фоне утренних событий это внушало безотчетный ужас.

Нет! Максим отказывался верить тому, что инфицирован! Должно существовать разумное объяснение... – Он, прищурясь, смотрел на заставку, мысленно перебирая когда-то прочитанные книги, просмотренные фильмы, но разве все упомнишь?

Как эта новомодная, ультрасовременная отделка кухни, пригрезившиеся ему устройства вполне могли быть порождением чьей-то фантазии, элементом индустрии развлечений, например, кадром из фильма, блоком рекламы, еще чем-то, увиденным вскользь, а затем прочно забытым... «Просто не выдерживаю. Устал. Вот и лезет в голову всякая чушь!..»

Заставка по-прежнему вращалась в ожидании соединения.

Тормоз... – Максим злился, когда личный комп начинал работать медленно. Он давно втянулся в стремительный ритм жизни растущего города, стал его частью, во многом бессознательно полагался на информационную среду, как будто в сети действительно можно было найти ответ на любой вопрос.

На самом деле он пытался уйти от состояния беспомощности, липкого, въедливого ужаса, создавал для себя иллюзию борьбы, искал спасительную соломинку, за которую могло бы уцепиться сознание.

Ну, наконец-то. Соединение установлено.

Он задумался: «А что я собираюсь искать? Каков критерий? Образы ведь из рассудка не вытянешь. Разве что накидать эскиз от руки, отсканировать и попробовать найти схожее изображение?»

Да, но художник из меня, мягко говоря, – никудышный». – Мысль снова зашла в тупик.

Внезапно ему вспомнился инфицированный паломник и короткая, врезавшаяся в память фраза, произнесенная на незнакомом языке.

А что если попробовать ввести в поисковую строку эти слова? Вдруг система найдет что-то схожее? Не придумал же он их?

Максим устал от сомнений, неопределенности. Хотелось получить хоть какую-то зацепку. Он быстро набрал в поисковой строке три запомнившихся непонятных слова, коснулся ввода, некоторое время смотрел на экран, но немедленного отклика не получил, встал, пошел на кухню, где давно вскипел чайник.

* * *

Минут через пять он вернулся.

По вашему запросу ничего не найдено.

«Ладно. Хоть попытаться», – он поставил кружку с чаем на журнальный столик, снова сел в кресло, задумался.

На улице взвизгнула и тут же стихла сирена. Звук неприятно резанул по нервам. «Ну, нормально, теперь начну вздрагивать от каждого шороха?» – зло спросил себя Шустов, но все же встал, подошел к окну, осторожно выглянул, не трогая штору.

¹ ОКС – общегородская кибернетическая сеть.

Ничего необычного. Наоборот, сегодня слишком тихо, безлюдно. Он напряженно всматривался во мглу, не понимая, что ищет взглядом? Через дорогу пробежала дворняга. Мокрая шерсть блеснула в свете фонаря. Два человека вошли в кафе. Что-то глухо лязгнуло, но не на улице, – звук доносился с лестничной площадки!

Максим машинально метнулся к компьютеру, быстро удалил поисковый запрос, отключился от сети, не понимая, почему вдруг взмокла спина?

Точно, крыша едет! – обругал себя он.

В следующий миг раздался взрыв. Металлическая дверь квартиры с грохотом влетела внутрь, сизый едкий дым мгновенно заполнил коридор, ворвался в комнату.

Максима оглушило, голографический монитор погас, все погрузилось в сумерки, но он успел машинально выхватить оружие, укрылся за опрокинутым креслом, целясь в дверной проем.

– Шустов, не дури! – раздался резкий незнакомый голос.

– Кто такие?!

– Собственная безопасность!

– Стучаться не учили?! – от избытка адреналина шумело в ушах.

– Ты арестован! Мы видим тебя на сканерах!

– Башку прострелю первому, кто сунется!

– Ну, попробуйся! Приказа брать тебя живым мне не давали!

– С кем говорю?

– Капитан Вербаум.

– Удостоверение. Вдоль пола. Ко мне!

– Хорошо, Шустов, только не горячись!

В дыму возникло движение, плоский предмет скользнул к нему, ударился о перевернутое кресло. Точно, на сканерах они меня видят...

Что там? – он протянул руку, нащупал бумажник, не опуская оружия, открыл его.

Глаза слезились. Удостоверение сотрудника службы внутренней безопасности. Водительские права. Статкарточка. Все документы оформлены на имя Отто Вербаума.

– Входи. Один.

– Нет, Шустов. Не ты диктуешь условия. Убери оружие.

– В чем меня обвиняют?!

– Ты убедился, кто я, – капитан Вербаум на прямой вопрос не ответил. – Какие еще проблемы? Шустов, в последний раз повторяю: не дури! Целее будешь!

Максим секунду помедлил, затем нехотя ответил:

– Ладно. Кладу оружие на пол. Входите.

В комнату ворвались трое оперативников в тяжелой боевой броне и шлемах. «Да, из пистолета только поцарапал бы их», – удрученно подумал Максим.

Его скрутили.

В комнату вошел капитан Вербаум, подобрал с пола свой бумажник, обжег Шустова неприязненным взглядом, коротко приказал:

– Окно откройте! Его в кресло!

Максима рывком подняли, усадили.

– В чем меня обвиняют?

– Ты заражен мнемовирусом. Но скрыл это.

– Да ладно! Со мной все в порядке! Сегодня днем был на тестировании!

Капитан ничего не ответил, прошелся по комнате, пристально изучил скудную обстановку, бегло просмотрел названия книг и дисков на покосившейся от взрыва полке.

– Ты отправил в сеть поисковый запрос, – Вербаум все же снизошел до пояснений.

– Ну и что?! – неподдельно возмутился Максим.

– Наша система слежения отреагировала на ключевые слова. К твоему сведению, Шустов, эта фраза из Книги Происхождения переводу не поддается. Надеюсь, тебе не нужно напоминать, что культ Прототипов преследуется законом?

– Нет, не нужно... – Максим помрачнел, мгновенно осознав, какую глупую, непростительную ошибку совершил.

– По личному опыту знаю, – невозмутимо продолжил Вербаум, – подобную тарабарщину несут только инфицированные!

– Ну и что? – Максим не собирался сдаваться. – Знаешь, капитан, у меня сегодня был трудный день, – Шустов в душе порадовался, что не отправил в сеть изображение тех странных, приснившихся ему устройств. – Уничтожили Святилище. Столкнулись с инфицированными. Один из них действительно нес какую-то чушь, не отрицаю! Я лишь запомнил несколько слов. Думал, может, в сети что-то выясню! Оперативная работа, не более!

– После возвращения с задания любой на твоём месте завалился бы спать! – резко осадил его Вербаум.

– У меня бессонница! – огрызнулся Максим. – Информации не хватает! Нам с первоисточниками работать не дают!..

– Неужели? – прервал его капитан. – Твое дело приказы выполнять, а не исследованиями подпольными заниматься! Ты можешь доказать, что действительно слышал эту фразу и даже запомнил ее?

– Да, без проблем, – Максим понимал, радоваться рано, из лап собственной безопасности просто так не вывернешься. – Мне и запоминать не было нужды! Камера боевого шлема фиксировала события! Экипировка в сумке, где-то у дверей в коридоре!

– Проверить! – Вербаум кивнул одному из своих людей.

Дым уже вытянуло сквозняком, на лестничной площадке слышались взволнованные голоса, но соседей быстро уgomонили, видимо, в подъезде оставались еще бойцы, – попытку побега капитан предусмотрел, подстраховался.

Шлем отыскали, подключили к портативному компьютеру.

– Подтверждаю. Все три термина есть на записи, – коротко отчитался работавший с системой боец.

– Надо же! – искренне удивился капитан Вербаум. – Не соврал?

– Вопрос исчерпан?

– Нет. Возможно, это уловка. На записи видно, ты побывал в Святилище. Двое из твоей группы явно были инфицированы. Извини, Шустов. Работа у меня такая, – он обернулся к подчиненным: – Арестовать. До полного выяснения. На повторное тестирование его, в спец-больницу!

* * *

Максим сразу понял, влип он жестко, что называется по полной программе. Нетрудно догадаться, что единственная тюремная больница города сейчас переполнена, и пока до него дойдет очередь на обследование, всякое может произойти. Он ни на миг не забывал о повторном видении, возникшем, увы, не во сне.

Дорогой он мрачно размышлял над сложившейся ситуацией, но не придумал ничего подходящего. Если только попытаться бежать?

«А смысл? Куда я пойду?»

Тупик полный. С какой стороны ни посмотри! Но как быстро отреагировали... Сколько прошло времени между отправкой запроса в сеть и началом штурма квартиры? Минут пять-семь? Чушь полная. Тут явно не автоматический мониторинг сработал!»

Машина притормозила. За все время пути никуда не сворачивали, двигались напрямик, сначала по главному проспекту, затем по шоссе в пригород, к тюремному комплексу.

Пару раз в маленькое зарешеченное окошко он видел отсветы пламени, слышал звуки стрельбы.

Город постепенно закипал. Так повторялось из ночи в ночь, на протяжении двух последних месяцев. Теперь Максим догадывался, почему первые симптомы заражения мнемовирусом проявляются в темное время суток. Все достаточно просто. Видения приходят во сне, калечат рассудок, а дальше человек уже не владеет собой, не отдает отчета в совершаемых поступках.

«Но со мной-то все иначе! Хотя, теперь уже не важно... Нет, но почему? Почему я? Зачем так жестко взяли? И быстро... – назойливая мысль крутилась в голове, не давала покоя. – Заранее знали? Подготовились? Находились поблизости?»

Крамер – сволочь. Наверняка его рук дело! Отыгрался за нарушение приказа, провал операции?»

По территории комплекса ехали медленно.

Наконец, машина остановилась, его грубо пригласили на выход.

– Пошевеливайся!

Максим промолчал. Нарываться на зуботычину не хотелось. Все. Он теперь потерял все привилегии.

Капитан Отто Вербаум холодно проводил взглядом сгорбленную фигуру, дождался, пока лязгнет металлическая дверь, затем, насвистывая себе под нос навязчивый мотивчик, направился к отдельно стоящему административному корпусу, поднялся на второй этаж, толкнул дверь первого попавшегося кабинета.

Внутри никого. На столе стопка каких-то папок. Вдоль стен шкафы с документами. Единственное окно зарешечено.

Он прошел к столу, уселся на скрипучий стул, достал из внутреннего кармана коммуникатор, коснулся сенсора.

– Как дела у тебя, докладывай?

– Совет принял решение. Войсковая операция. Бросят все силы.

– Считаешь, их достаточно? Прорвутся?

– Более чем достаточно. По крайней мере, техники. А вот прорвутся ли, понятия не имею. Бойцы неплохо обучены, но сам понимаешь, *там* их подготовка и гроша ломаного не будет стоить.

– Да уж понимаю... – Вербаум хмурился.

– Что думаешь делать?

– Нам их не остановить. Значит, будем использовать. Есть у меня план на такой случай. Коды они получили?

– Да. Это я узнал наверняка.

– Ну, тем лучше. Пусть прорываются, – Вербаум холодно усмехнулся. – Сколько у меня времени?

– Сутки.

– Достаточно. Более чем достаточно. Ладно. Я сам тебя вызову. Пока все, – он отключил коммуникатор, подошел к окну.

Над городом метались отсветы пламени.

«Еще одна безумная ночь. Но этого сейчас не изменишь. Они сами виноваты», – холодно думал он, глядя на зарево пожаров.

* * *

О тюремном комплексе, а в особенности о спецбольнице, расположенной на его территории, ходили довольно мрачные слухи.

Всех инфицированных мнемовирусом (тех, кто выжил при задержании) доставляли сюда. Максим по возможности старался запомнить маршрут, которым его вели, мысль о побеге периодически возвращалась, но он отталкивал ее в силу инерции мышления. Надежда, пусть и слабая, еще теплилась. Возможно, поддержат остротки ради и отпустят. Причин для ареста, не связанных с мнемовирусом, он видел достаточно. Служба собственной безопасности, куда попал отчет об утренних событиях, могла проявить излишнее рвение, да и вообще, время настало смутное, власть правительства Просвещенных пошатнулась, в городе уже царит не паника, а натуральный хаос...

Его провели по мрачным сегментированным коридорам, втолкнули в больничную палату, больше похожую на тюремную камеру.

Три человека уже обосновались тут. Максим готовился к неприятностям, но ошибся. Поначалу никто с ним не заговорил, лишь цепкие, хмурые взгляды встретили и проводили на коротком отрезке в несколько шагов, от лязгнувшей за спиной двери до свободной койки.

Шустов сел, исподволь наблюдая за обстановкой.

– Макс? – кто-то окликнул его, но не очень уверенно.

– Ну? – вяло отреагировал он. Во-первых, говорить ни с кем не хотелось, во-вторых, судя по голосу, если знакомый, то давний или случайный. Ну, а если назревает проблема (он ни на секунду не исключал, что в палате могут находиться инфицированные), пусть лучше недооценят меня, подумают, что сломлен, раздавлен. А там посмотрим.

– Тебя-то сюда каким ветром занесло?

Он поднял взгляд.

Напротив стоял Егор Травин, аналитик из технического отдела.

– Привет, Егор, – Максим невесело усмехнулся. – Собственная безопасность не дремлет, – ответил он на вопрос. – Подозревают, что я инфицирован.

– Всех нас подозревают, – раздался незнакомый голос.

У дальней стены за столом сидел невысокий, крепко сложенный парень. Рыжие волосы, такого же цвета борода, открытое спокойное лицо, – сейчас в его выражении читалось крайняя степень недоумения и усталости. Должно быть, самообразованием занимается. Неблагодарное занятие, особенно для людей по жизни уравновешенных, спокойных.

– Отпустят. Разберутся и отпустят, – Максим не очень-то верил своим словам, но раз подвернулся случай прощупать общее настроение, грех упускать такой шанс. Лучше знать наперед, кто и чем дышит.

– Ладно тебе. Неглупый вроде, – вступил в разговор худощавый, жилистый капитан из отдела особо тяжких преступлений, – его Шустов вспомнил по нескольким мимолетным встречам в управлении. «В общем-то, все свои, особо напрягаться нечего», – промелькнула мысль.

– Никто нас отсюда не выпустит, – угрюмо произнес капитан. Видимо, дискуссия на злобу дня шла уже давно. – Инфицированных с каждым днем все больше. Ни тюрьма, ни внутренняя больница не резиновые. Сюда каждую ночь до сотни человек доставляют. И все. С концами, будто в омут.

– Ты откуда все знаешь? – спросил Максим.

– Да знакомого вчера ночью забрали, – пояснил капитан. – Он не инфицирован, просто с женой поругался, ну напился, нарвался на патруль, начал буйнить. И пропал. Я пытался выяснить, что с ним, почему не разобрались, не отпустили.

– И как?

– Отследил до стен тюрьмы. Дальше, словно лбом в глухую стену, – капитан махнул рукой, взглянул на Шустова. – А у тебя какие симптомы? – поинтересовался он.

– Нездоровое любопытство, – буркнул в ответ Максим. – Плюс неподчинение прямому приказу. Давайте хоть познакомимся для начала? – добавил он.

– Андрей Шепетов, патрульный, – охотно представился рыжеволосый.

– Антон Багиров, – капитан кивнул Максиму. – Встречались ведь раньше, верно?

– Угу. Я Максим Шустов. Оперативником работал в седьмом отделе, пока эпидемия не началась.

– О как тебя жизнь крутанула! – удивился Егор Травин. – С мелких краж на боевые выезды? И как?

– По-разному. Слушайте, – у Шустова появилось недоброе предчувствие. Он ожидал встретить тут полных психов, но опять ошибся. Мужики, похоже, вполне адекватные, да и все из одного ведомства. Совпадение? Нет, он так не думал. Версии на ум приходили самые мрачные. – Мне кажется, кто-то чистку в управлении устроил! Неугодных сотрудников убирает, под шумок!

– Не перегибай, – Андрей Шепетов махнул рукой. – Хочешь сказать, тебя по злобе сюда запихнули? Из личной неприязни? Или все же был повод?

Максим пожал плечами.

– Ну да, глюкануло сегодня, когда возвращались, – нехотя признался он. – Но я никому не говорил об этом. И чувствую себя нормально. А у вас как? – он обвел взглядом остальных.

– Да тоже по мелочи, – ответил за всех Травин.

– Так давайте хоть общую линию поведения выработаем, – встрепенулся Максим.

– Зачем? – Шепетов явно пребывал в глубокой депрессии. – Докторов позабавить? Надо тупо молчать, мужики. Тогда еще, может, обойдется.

– Молчать – не вариант, – разозлился Травин. – Макс прав.

– В чем?

– Мы не очень-то на инфицированных похожи! Пойдем, что происходит, сможем линию защиты выработать, – в речи Егора чувствовался склад мышления аналитика. – Если правильно себя повести, то любые глюки можно списать на усталость, стресс!

– Меня во сне накрыло, – отозвался Максим. – Почти сутки на ногах провел. Мы Святилище ликвидировали, километрах в ста от города. Задремал в машине на обратном пути. Пригрезилась какая-то чушь, – он не стал уточнять детали. – Остаток дня нормально провел.

– А взяли за что?

– В сеть полез. Услышал пару незнакомых слов, их инфицированный выкрикивал. Думал, может, значение выясню. Откуда ж мне было знать, что собственная безопасность такие запросы контролирует? – он озвучил официальную версию, изложенную Вербаумом.

– У меня аналогично. Взяли из-за информации, с которой пытался работать. – Егор Травин сел за стол напротив Шепетова. – Вырубило меня прямо на рабочем месте. Просто уснул, от усталости, честно. Ничего не снилось. Глаза открыл уже в наручниках, на полу. Говорят, во сне что-то кричал. Да еще электронный фрагмент Книги Происхождения на экране открыт. Она ведь запрещена, а я отрывок в сети случайно нашел, полюбопытствовал. В общем, никаких пояснений никто слушать не стал. Упекли сюда, – он взглянул на Шепетова. – Давай, Андрюха, соберись. У тебя как было?

– Да днем во время беспорядков на улицах. Мы толпу сдерживали на центральной площади. Накатило внезапно. Какое-то безразличие наступило. Словно смотрю с высоты, отрешенно, как на букашек. А потом вдруг какие-то руины перед глазами, бой, фигурки в странной экипировке.

– Люди?

– А как разберешь? Внешне вроде люди. Броня на них тяжелая, громоздкая, я такой ни разу не видел. И еще... даже не знаю, как это описать, словно тень огромная сверху, вот, – он рассказывал сбивчиво, часто сглатывая, – падает.

– Что падает? Тень? – удивился Травин.

– Да не знаю! Кусок чего-то огромного, темного. Небо застилает. Пламя из пробоин. И до земли ему уже немного, меня аж холодом проняло, думаю, – сейчас врежется, – и точно... – он понурил голову. – В общем... – Шепетов запнулся, – в общем, умер я!.. – подавленно добавил он. – Все настолько натурально, что и вспоминать жутко.

– А на самом деле? – заинтересовался Багиров.

– Бульжником мне из толпы заехали в голову. Шлем, конечно, смягчил удар, но сознание я потерял. В себя пришел, не понимаю, где я, что происходит?! Ну и заорал сдуру. Меня держат, а я вырываюсь, на небо показываю, кричу: «Он падает!» Не знаю, откуда силы взялись – раскидал всех вокруг, вскочил, а куда бежать, что делать – не пойму!

– Свои скрутили?

– Ну да. Напуганы все были. Да и орал я страшно. Вспоминать не хочется.

– Антон, а ты?

– Недоразумение, – ответил Багиров. – Охраннику тюрьмы оружием пригрозил. Я же говорил: товарища у меня ни за что, по сути, забрали. Удалось узнать, его из участка сюда перевезли. Ну, я рванул, думаю, по горячим следам, пока не поздно, улажу проблему, – он безнадежно махнул рукой. – Хотел с тюремным начальством переговорить, а охранник уперся, и меня не пускает, и позвонить по внутренней сети не дает.

– И ты сорвался, да?

– Угу. Работа у меня нервная. Особенно в последние месяцы, – угрюмо ответил Багиров.

– Интересно, – Травин задумался. – Как действует мнемовирус, мы-то знаем. Лично я со случаями внезапного выздоровления или тихого помешательства не сталкивался. Значит, заражения нет?

– Хотелось бы верить, – тяжело вздохнул Шепетов.

– Ты не расстраивайся, – ободрил его Максим, – меня вон тоже зацепило, но ничего, нормально себя чувствую. Словно пуля на излете задела, – не найдя иного сравнения, добавил он.

– Тюрьма наверняка переполнена, а нас четверых в отдельную больничную палату разместили, – Травин продолжал рассуждать. – Что-то тут не так. Ни у меня, ни у капитана вообще явных симптомов не было.

– А я в Прототипов верю, – прервав его, тихо произнес Шепетов.

– Андрюха, ты чего? Совсем скис? – Травин обернулся.

– Я серьезно. В детстве случай был.

– Интересно. Расскажешь? Ты вообще, где родился?

– На побережье. Был там небольшой рыбацкий поселок. Мы с ребятами к проливу не ходили, нам взрослые запрещали, настрого. Зато река Угарда вся наша... – Шепетов машинально покручивал кольцо на пальце. – В общем, в песке на пляже раскопали случайно одну штуковину. Сфера, размером с футбольный мяч. Корпус помят, весь в подпалинах, дырах. Внутри песка набилось. Мы его, естественно, вытряхнули.

У Максима все похолодело внутри.

– И не испугались? – спросил Травин.

– В десять-то лет? – Шепетов усмехнулся. – Нет, не испугались. Интересно стало, любопытно. Просушили на солнышке, а эта штуковина вдруг ожила! В воздух поднялась, висит, покачивается!

– Ну и что? Дальше? – Багиров заинтересованно подался вперед.

– Она на нас внимания не обратила. Полетела себе, медленно, низко, в сторону пролива. Больше никто эту штуковину не видел.

– Родителям не рассказывали?

– Нет. Но в книгах смотрел, когда постарше стал. Там есть упоминание о похожих устройствах.

– И как их называли?

– Слуги Прототипов. Охранники Прототипов. По-разному. – Шепетов сидел бледный, пальцы рук мелко подрагивали, на лбу выступил пот.

– Нарисовать его сможешь? – глухо спросил Максим. – Есть у кого ручка и бумага?

– Попробую, – неуверенно ответил Андрей.

– На, держи, – Травин протянул ему блокнот и ручку.

– Тебя что, не обыскивали? – удивился Багиров.

– Нет. Прямоком сюда препроводили.

Шепетов тем временем изобразил приплюснутую с двух сторон сферу, добавил несколько деталей в виде трубок, закрепленных по бокам, на подвижной подвеске, наморщил лоб, дорисовал еще пару небольших покатых выступов на сегментированной броне. – Вот, смотрите.

Макс просто глазам своим не поверил! В точности такие механизмы снились ему!

– В первоисточнике их называют «рагдами», – неожиданно произнес Егор Травин.

– Тебе откуда знать?! – Шустов напрягся в ожидании ответа.

– Из фрагмента книги, который нашел в сети. Там было похожее изображение! И его древнее название.

– А что оно такое?

– Вот этого не знаю, – развел руками Егор.

Шепетов нервно хихикнул, в ответ своим мыслям и разгорающейся дискуссии:

– Совещание силовиков в тюремной больнице... Идиотизм!..

– Без истерик, Андрюха! Прорвемся. – Травин машинально барабанил пальцами по столу.

Лязгнул дверной замок.

Егор схватил блокнот и ручку, спрятал во внутренний карман.

– Так, по одному, на выход!

– Куда нас?

– Не твое дело. К стене. Руки за спину. Этого, – охранник указал на незнакомого парня, крепко избитого, переминающегося с ноги на ногу, – тоже к ним. Пошли по одному.

– Куда?

Шепетову заехали прикладом. Больше вопросов не возникло.

Максим предпочел не бузить. Позволил надеть на себя наручники. Пошел по коридору, когда приказали.

Их вывели на улицу.

Свет прожекторов резанул по глазам. На плацу шеренгами выстроились десятки крытых грузовых машин.

– Стоять! – за спиной в который уже раз лязгнула дверь. – К стене! Не оборачиваться!

– Плохо дело, – Антон Багиров все же незаметно оглянулся, заметил, как из распахнутых решетчатых ворот к грузовикам движется серый нескончаемый людской поток. Звенели кандалы. Руки и ноги инфицированных были закованы в цепи, колонна, по мере движения, дробилась, отдельные группы неизлечимо больных под грубые окрики сворачивали к грузовикам. Захлебываясь, лаяли собаки, рвались с поводков.

Максим слегка повернул голову. Глаза уже свыклись с ярким светом, и он разглядел лица людей в ближайшей группе.

Равнодушие. Не безысходность, а именно равнодушие, полное безразличие к собственной судьбе читалось в облике инфицированных.

Никто из них даже не пытался сопротивляться. Двигались молча, не глядя по сторонам, тупо подчинялись, карабкались в крытые армейские грузовики, исчезали в сумраке кунгов.

– Этих куда, Савелич? – раздался голос за спиной.

– Нет у меня места! Веди назад! В следующей партии отправим!

– Не, не пойдет. Мне палату приказали освободить!

– Ну, так выкручивайся сам!

– Что тебе жалко? Человеком больше, человеком меньше, какая разница? Потеснятся!

– Сказал, нет у меня места!

– Да что ж ты уперся на самом-то деле? Не обратно же их вести!

– Ну, в машину сопровождения запихни! Все равно она порожняком идет!

– Ладно.

Неподалеку действительно стоял патрульный внедорожник сил безопасности, оборудованный специальным отсеком для задержанных. Обычно туда помещалось три человека, но сейчас внутрь грубо затолкали всех. Новенький попробовал сопротивляться, но его быстро уgomонили: били недолго, но жестоко, остервенело. Едва смог встать.

Захлопнулась дверь, мягко заурчал двигатель.

Грузовики колонны медленно трогались с места, по одному сворачивали к так называемому шлюзу.

В здании административного корпуса открылась дверь, на крыльце появился Отто Вербаум. Он пристально осмотрел плац, что-то спросил, остановив ближайшего караульного, тот сначала пожал плечами, затем неопределенно махнул рукой в сторону патрульной машины.

Максим залезал внутрь последним и теперь оказался прижатым к металлической двери с небольшим зарешеченным окошком. Он видел немую сцену, насторожился, но вслух ничего комментировать не стал.

Капитан Вербаум напрямик направился к патрульной машине, о чем-то переговорил с конвоирами, несколько раз отчетливо прозвучало слово «приказ», остального Шустов не слышал.

Минут через пять машина тронулась, пристроилась к последнему из грузовиков.

– Куда нас? – не выдержав, спросил Андрей Шепетов.

– В лагерь, наверное, – ответил ему Егор Травин.

– Какой еще лагерь?! – не понял Максим.

– Изоляционный. Километрах в тридцати от города. Туда отправляют всех инфицированных.

– Ты откуда знаешь? – не поверил Багиров.

– Наши, из техотдела, на прошлой неделе там периметр оборудовали. Ну электронные рубежи охраны, – пояснил Травин. – Я сам в командировку не ездил, но слышал, бараков понастроили в чистом поле, оградили, вышек понаставили. Там военные всем заправляют.

– Плохо... Сгноят нас вместе с инфицированными, – Антон понурил голову.

– Может, еще и обойдется, – Максим по-прежнему цеплялся за призрачную надежду, никак не хотел верить, что лично для него все кончено. – К машине только что капитан из СБ подходил. Тот, что меня арестовал. О чем-то говорил с караульными.

Багирова его слова не успокоили, наоборот, завели.

– Макс, нас уже сто раз могли выпустить! Но даже обследовать не удосужились!

– Говорю, что видел, – резко ответил Шустов.

Время близилось к полуночи. За маленьким зарешеченным окошком царила мгла. Максим видел бледные проплывающие мимо огни периметра, силуэты караульных на вышках, витки колючей проволоки, распущенные спиралью поверх ограждений.

Тихо стонал избитый парень. Невнятно ругался Андрюха Шепетов, остальные молчали в тревожном неведении.

Машина медленно выехала с территории тюремного комплекса, свернула налево, к южной городской окраине.

Ехали долго. «За чертой пригородов по трассе только карьеры и цементные заводы», – вспомнил Максим. Строительный бум последних лет потребовал огромного количества бетона, здания новых кварталов росли буквально на глазах, а здесь гибла природа, лес выкорчевывали, над открытыми выработками постоянно висела едкая пыль, обычно с южных окраин доносился монотонный гул, в котором сливались тысячи шумов, но сегодня здесь стояла непривычная звонкая и зловещая тишина.

– Где мы? – не выдержав, спросил Егор Травин.

– Да, Макс, просвети, – Багиров едва не вывихнул шею, пытаясь оглянуться.

– За город уже выехали. В промзону.

– Тихо слишком, – заметил Шепетов.

– Заводы не работают, – Шустов видел лишь удаляющиеся городские огни да темнеющие в сумерках горы щебня, добытого из карьеров.

– Плохо дело... – просипел избитый парень. – Убьют нас, – неожиданно добавил он.

– Да ладно, не загибай! – неподдельно возмутился Травин. – Говорю же, в лагерь нас везут!

– Пулю в башку получишь, тогда поверишь?..

– Ты кто вообще?

– Захар... Чижов... Охранником работал... Я слышал, как два офицера между собой переговаривались в коридоре. Лагерь твой переполнен давно.

– Ты, может, неправильно их понял? О чем говорили, конкретно? – нервно допытывался Багиров.

– Сказали: все, край. Лечить невозможно, содержать негде. К карьерам уже третьи сутки везут...

– Рехнулся?!

– Говорю, что слышал!

– За что?! – сдавленно вскрикнул Шепетов.

– Тише, – прошипел Максим, заметив габаритные огни грузовика, отделившегося от колонны, свернувшего на второстепенную дорогу. – Точно... – упавшим голосом сообщил он. – Машины по одной сворачивают с трассы. Егор, а лагерь этот где?

– На север километров тридцать, я же сказал!

– А мы на юг едем!

На минуту наступила тишина.

– Что делать-то будем?! – в вопросе Андрея Шепетова отчетливо прозвучали панические нотки. К такому внезапному, жестокому обороту событий он явно не был готов.

– По обстановке... Охранников трое, нас пятеро!.. – отчаянно просипел Багиров.

– Руки у всех связаны! – Шепетов растерялся, сник.

– Зато ноги свободны, – Максим поддержал капитана. Иллюзий он больше не строил. Из него словно дух вышибли. Сначала все помутилось в голове, словно у пьяного, затем пришла потливая дрожь, ощущения менялись мгновенно, он взмок, и вдруг почувствовал дикую, растущую, бесконтрольную ярость.

– Далеко убежишь от пули? – Чижов едва шевелил разбитыми губами.

– Я не бежать предлагаю, – резко ответил Максим. – Если нас действительно попытаются убить, – валим их! Кто-то да выживет!

– Бред... – Травин окончательно растерялся. – Расстрел?!.. Да у нас сроду никого не казнили!

– Другие времена, видать, настали... – прохрипел Чижов.
– Тише!.. – злым шепотом ответил Максим. – Лично я просто так умирать не собираюсь!..
– Так что делаем? Сразу нападём, как дверь откроют?.. – Чижов тяжело прерывисто дышал. Шанс на побег казался ему нулевым.
– Нет, подождём, пока кого-нибудь пристрелят!.. – огрызнулся Багиров. – Шустов, тебе придется начинать.
– Не вопрос, – Максим уже дошел до состояния, близкого к аффекту.
– Да вы с ума посходили? – заскулил Шепетов. – Нападём, тогда точно пристрелят! Так у них нет ни права, ни повода!
– Заткнись, наконец! – зашипел на него Багиров.
Спор прервался. Машина свернула на грунтовку и вдруг начала притормаживать у заполненного водой, давно заброшенного карьера.

* * *

Дверь распахнулась, и Максим едва не вывалился наружу.
С трудом удержав равновесие, он вопросительно взглянул на конвоира, – полноватого веснушчатого паренька. Тот отвел взгляд, буркнул:
– Приехали. По одному выходим.
Его напарник стоял поодаль. Автомат снят с предохранителя, палец на спусковой скобе. Оба подавлены. В глазах растерянность.
Водитель приоткрыл дверь кабины. Наблюдает со стороны. Оружие положил на колени, – Максим успел оценить обстановку, неловко спрыгнув на землю.
Его снова прошибло ледяным потом.
В стылом ночном воздухе плыл густой сладковатый смрад. Полная луна висела высоко в небе, ее бледный свет рассеивал мрак. Возвышающаяся неподалеку камнедробилка и уходящий вверх ленточный транспортер даже отбрасывали сероватые тени.
– Туда! – нервно приказал конвоир, ткнув стволом в направлении оплывшей под дождями горы щебня, за которой провалом тьмы угадывался край старой затопленной выработки.
Максима уже не знобило. Запах разлагающейся плоти вмиг погасил эмоции. Сознание стало пустым и звонким.
– Подожди... Ногу, кажется, подвернул... – он скривился, привалился к борту машины.
– Пошел, тебе сказано! – веснушчатого паренька словно подменили. На него тоже воздействовала окружающая обстановка, лицо вмиг осунулось, наружу пер шальной страх, а вместе с ним выкарабкивалось что-то звериное, искажающее черты, хрипло прорывающееся в голосе.
Максим, прихрамывая, морщась от мнимой боли, успел сделать пару шагов, оказался на одной линии между конвоиром и водителем, выглядывающим из кабины. Если начнут стрелять, ничком на землю и перекатом под машину, – мелькнула мысль.
В узком проеме распахнутой дверцы показался Антон Багиров. Он спрыгнул, скривился от запаха, но послушно направился в указанном направлении, – понурый, безвольный, совершенно не опасный. Второй из охранников лишь мельком взглянул на него и вновь обернулся к Шустову.
Конвоиры попались неопытные. Легко удалось завладеть их вниманием. Веснушчатый грубо выругался, но не выстрелил, опасаясь задеть водителя, оскалился, шагнул к Максиму, совершив непростительную глупость. Его напарник в этот миг отвлекся на Андрея Шепетова, который, крихтя, топтался на высокой подножке, примеряясь, как бы ловчее спрыгнуть. Его ноги действительно подкашивались от страха. Антон Багиров воспользовался моментом, скользнул в тень, уходя из поля зрения караула.

– Не разбредайтесь! Слава, назад! Стас, что в кабине расселся?! Давай этого «хромого» ко всем!

Шепетов все же неуклюже спрыгнул, в проеме узкой двери показался Егор Травин, теперь в клетушке остался только Чижов.

Водитель нехотя вылез из кабины.

– Ну, с чем у тебя проблемы?! – он грубо подтолкнул Шустова стволом автомата. – Давай, пошел к остальным!

– Да, сейчас... – Максим приготовился.

– Что там застрял?! – окрик был адресован Чинову.

– Он идти не может! Сначала избили, а теперь... – огрызнулся Травин.

– Поговори мне! А ну, вытаскивай его!

– Как? Руки у меня связаны! – Травин все же неплохо держался, а вот Андрюха Шепетов вдруг сел на землю. Его трясло.

Максим метнулся взглядом по сторонам, решил: сейчас! Шагнул в сторону, резко крутанулся, ударом ноги в голову оглушил водителя, и тут же упал, пропуская над собой автоматную очередь.

Вспышки выстрелов разорвали сумрак, посыпались стекла, погасли фары.

Дико, зло заорал второй конвоир, но выстрелить не успел, Антон Багиров сбил его с ног, навалился сверху, всем телом прижал к земле, не давая шевельнуться.

Полноватый веснушчатый парень, насмерть перепуганный неожиданным поворотом событий, попятился, побледнел. Ствол его автомата метался из стороны в сторону. Звериный оскал сполз с лица, глаза выпвели.

– Мужики... не надо... я не хочу вас убивать... – растерянно бормотал он.

Максим надавил коленом на горло водителя, крикнул:

– Брось автомат на землю! Иначе я ему шею сломаю, понял?!

– Делай, как велят, никого не тронем! – мгновенно подключился Багиров. – Ну? Решайся же?

Ситуация пару секунд балансировала на грани. Охранник попятился.

Психанет, положит всех!.. – Шустов знал, как это бывает в стрессовых ситуациях.

– Ладно... – парень неожиданно сник, бросил автомат на землю. – Только не трогайте нас, обещали!

– Не бойся! – Травин бросился к нему. – Ключи от наручников?

– У меня. Вот!

– Разомкни! Живо! – он повернулся спиной, подставил скованные руки.

* * *

Максим, тяжело дыша, неотрывно наблюдал за Травиным. Егор подобрал автомат, на миг показалось, что сейчас он сам расстреляет конвой, столько злобы читалось в его перекошенном лице, но нет, сдержался, толкнул охранника стволом, сухо приказал:

– Остальных освободи!

Похоже, обошлось без крови.

В голове шумело. Как ни крути, – повезло. Увальни попались. Шустов подобрал автомат водителя, обыскал его. Ключи от машины, портативный компьютер, коммуникатор, два запасных магазина, фляга с водой, – пригодится.

Конвоиров заковали в наручники.

– Кто приказал нас расстрелять?! – Травин неожиданно присел на корточки. – Отвечай! – его трясло, похоже, накрыло Егора запоздалым осознанием случившегося.

– Н-не з-знаю!.. – заикаясь, ответил охранник. – Капитан какой-то!.. Показал удостоверение СБ!.. Сказал, приказ из управления!

– Почему?! – дико заорал Шустов. Нервы у него вдруг окончательно сдали.

– Он... Он не объяснил!

– Остальных в грузовиках, тоже на убой?!

– Я не знаю!!! – парень вдруг заревел, лицо позеленело от страха, губы тряслись.

– Раньше убивал?! – тяжело дыша, спросил Максим. – Ну? Отвечай!

– Н-нет!!!

– Ладно... Живи... – Шустов с трудом оторвал взгляд от перекошенного лица конвоира, отошел к машине, полез осматривать заглохший двигатель.

– Что теперь делать будем? – хрипло спросил Травин. – Какие соображения?

– Возвращаться нельзя. Я во второй раз уже не сдамся! – резко ответил Багиров.

– Уходить надо. Скрыться, – просипел Чижев. – Машина есть. Переждем где-нибудь... – он сплюнул сгусток крови.

– Отсиживаться? Где? Сколько? – Травин осмотрелся, судорожно вдохнул, словно только сейчас уловил смрад, и, пошатываясь, побрел в направлении затопленного котлована.

– Антон, оружие бы у него забрать, – Максим понятия не имел, справится ли Егор с шоком. Сам только что едва не застрелил охранника.

– А я знаю, куда нам ехать! В старый рыбацкий поселок! – Андрей Шепетов оживился. – Ну, тот, где я родился! Там уже лет десять никто не живет, и искать в той стороне точно не станут! В голову никому не придет! – его глаза лихорадочно заблестели. – Клянусь, мужики!

В темноте раздался сдавленный вскрик. Все обернулись. В свете луны показалась фигура Егора Травина.

– Там мертвые. В воде... – он сел на подножку машины, обхватил голову руками. Его пальцы дрожали. Губы беззвучно шевелились.

– Ну, что решим? До побережья километров пятьсот? Надо убираться отсюда. Отсидимся с недельку. Пусть все уляжется, – Шепетову хотелось сейчас лишь одного: поскорее уехать, раствориться в ночи, надеясь, что кошмар не рванет следом, не настигнет...

Максим осмотрел приборную панель, двигатель, систему управления. Похоже, от автоматной очереди пострадали только стекла.

– В принципе, можем ехать.

– Я ничего не понимаю! Ничего! – Егора Травина заклинило.

– Реальнее смотри на жизнь, – посоветовал ему Багиров. – А то ищешь во всем тайный смысл, которого нет.

– А, по-твоему, что происходит?! – видимо, сама мысль о расстрелах не укладывалась в голове Егора.

– Ты оглох? Ничего не слышал или просто не врубаешься?! – Багиров тоже сорвался. – Девать инфицированных некуда! Лечения нет! Проще убить! Ты что вообще жизни не видел?! Не знаешь, как тупо и просто иногда происходят подобные вещи? Убить нескольких, спасая тысячи! Простая арифметика!

– Это не арифметика! – заорал в ответ Травин.

– Лучше заткнись! – глаза Антона Багирова налились кровью. – Или предлагаешь вернуться, разобраться, что к чему? Бунт поднимем? Тюрьму штурмовать станем?

– А чего ты тут разорался?! – Чижев уже немного пришел в себя и вдруг необдуманно решил вклиниться в спор. – Типа автомат у тебя? – он с вызовом посмотрел на Багирова.

– Не заводись, – Антон обернулся. – Ты вообще у нас лошадка темная. Помалкивай пока. Чижев насупился, в глазах промелькнул злобный огонек.

– В общем, предлагаю всем заткнуться. Никто никем не командует. Убираемся отсюда подальше, а там определим, вместе держаться, или разбежимся, кто куда, – Максим решил

подвести черту. – Машина вроде бы в порядке. Едем к проливу, – уже тише, чтобы не услышали связанные охранники, добавил он.

– Я никуда не поеду, – неожиданно заявил Травин.

– Егор, не дури, – Максим положил палец на курок. – Куда ты пойдешь? Домой – нельзя.

На службу? Совсем рехнулся?

– Разберусь.

– Нет, извини. Нас подставишь.

– Я никому ничего не скажу!

– А вот не зарекайся! Захотят – язык тебе развяжут быстро! Так что давай, в машину!

– Иначе что?!

– Застрелю, – тихо, но твердо ответил Максим.

– А ты попробуй! – Травин вскочил.

До стрельбы не дошло. Между ними неожиданно встал Андрей Шепетов.

– Оба уймись, – тяжело дыша, сказал он. – Макс прав! Нельзя нам разбредаться! Прдержимся вместе хотя бы пару дней, а там подумаем, как жить дальше!

– Ладно, – Травин безнадежно махнул рукой, положил автомат на землю, побрел к машине.

Глава 3

Трассой, ведущей на юг, в последние годы никто не пользовался. Как только они выехали за границу промышленной зоны, в дорожном покрытии появились трещины, часто попадались участки просевшего асфальтобетона.

Разговаривать никому не хотелось. Шустов сосредоточенно вел машину, рядом на пассажирском сиденье устроился Егор Травин, – он молча возился с трофейным нанокomпьютером, отобранным у охранника. Сзади расположились Шепетов и Чижов. Багиров вызвался прикрывать – ему пришлось разместиться в отсеке для арестованных. Дверь он оставил открытой, закрепив ее проволокой.

Дорога уносила вдаль. Небеса постепенно светлели. Город уже исчез из виду, лишь дымка сгустилась в той стороне, где остался Нью-Строунхольд.

Их прошлая жизнь таяла в утреннем тумане занимающегося осеннего дня.

Антон Багиров тяжело вздохнул. Он словно осиротел.

По обе стороны дороги мелькали кустарниковые заросли, вдали темнели лесные массивы, изредка отблескивала водная гладь небольших озер да извилистых речушек.

Еще недавно сельская местность изобиловала деревушками, поселками, фермами, – они сохранились и сейчас, но стояли заброшенные, словно целая цивилизация с ее вековыми традициями, устоями, культурой и верованиями была уничтожена, канула в прошлое.

Слева от Максима, над приборной панелью неожиданно сформировался голографический монитор. Похоже, Травину удалось получить доступ к кибстеку охранника, и теперь, после беглого просмотра содержимого нанокomпьютера, он полез в сеть. Промелькнула и исчезла заставка, затем сразу же началась передача каких-то данных.

– Ты чего творишь?! Совсем сдурел?! – Чижов подался вперед, его взлохмаченная голова появилась между спинками водительского и пассажирского сидений. – Нас же вычислят!

– Расслабься, Захар. Я знаю, что делаю.

– Нет ну, Макс, хоть ты ему скажи! – Чижов не унимался.

Шустов резко притормозил, объезжая очередную яму в дорожном покрытии.

– Егор, ты и правда, не рискуй понапрасну, – он покосился на монитор, где мелькали, сменяя друг друга какие-то изображения, тексты, схемы.

– Не мешай, – Травин упорно продолжал. – Наше местоположение никто не узнает. Я вошел в сеть через коммуникатор.

– Вот его и обнаружат!

– Пусть. Он у меня дома. Пока трассировку сделают, пока поймут, что к чему, мы уже из зоны действия сети выйдем. Никто даже направление не сможет определить. К тому же я ввел терминирующую команду. У меня на всех устройствах специальные программы установлены.

– Уничтожение данных?

– Ну, типа того, – неохотно ответил Травин.

– А что ты скачиваешь?

– Информацию со своего рабочего компьютера.

– Это настолько важно? – спросил Максим. Ему тоже не нравилась затея Егора.

– Важно. Поверь. И вообще, води машину.

У Шустова возникло неодолимое желание отпустить руль, схватить нанокomп и разбить его или выкинуть за окно!

– Эй, эй, Макс, ты что творишь? – Травин отпрянул, вжался в дверь. – Нет, ну серьезно, немного осталось скачать!

– Оно того стоит?

– Поверь, это важно!

- Тогда выкладывай! Или ты просто следы заметаешь?!
- Полегче, там! – раздался возглас Багирова. – Макс, ты водить разучился?
- Нет. Извини. Яма большая попалась. Ты коммуникатор у охранника забрал?
- Ну?
- Переключи в режим рации, на прием.
- Зачем?
- Травина послушаешь. Просто сделай.

– Ладно. А что там у вас вообще происходит? – недовольно спросил Антон, потирая ушибленный затылок.

– Сейчас разберемся, – ответил Максим и, не отрывая взгляд от дороги, добавил: – Давай, Егор, просвети, не из-за тебя ли нас всех отдельным приказом к карьере вывезли?

– Может, и из-за меня, – Травин не стал отнекиваться. – Хотя, вряд ли. Иначе, почему мой рабочий комп не распотрошили? Даже от сети не отключен!

– Ты по делу говори! – Захар Чижов снова подался вперед, пытаясь прочесть данные, мелькающие в объеме голографического монитора. Передача как раз завершилась, последнее, полученное из сети изображение увеличилось. – Что за деревня? – удивился он, рассматривая снимок, запечатлевший кривые, тонущие в грязи улочки, одно-и двухэтажные дома, на заднем плане скверной по качеству фотографии смутно очерчивались корпуса длинных приземистых кирпичных построек, над ними возвышался лес труб, из них валил дым.

- Сколько тебе лет, Захар?
- Двадцать. А что?
- Этот снимок сделан тридцать лет назад. И на нем не «деревня», а наш родной город!
- Да быть такого не может!
- Я тоже сначала не поверил. Думал, кто-то в графическом редакторе позабавился.
- Ну, а с чего ты вообще взял, что это Нью-Струнхольд?!
- Идентифицировал два исторических здания, – Егор запустил специальную программу, детализировал и укрупнил задний план снимка. Смутные очертания кирпичных построек приобрели вполне узнаваемый вид.

Да это же цеха знаменитого завода братьев Фринцгольф, того самого, где выпускались первые, допотопные вычислительные машины, положившие начало новой эпохе! – Максим, мельком взглянув на снимок, сразу же узнал одну из немногих исторических достопримечательностей, сохранившихся на территории современного мегаполиса. Обработка изображения выделила ряд деталей, первым, что бросалось в глаза, было Святилище Прототипов, расположенное посреди площади, прямо напротив проходной!

- Подделка, – Максим не поверил увиденному. – Егор, откуда вообще взялся снимок?
- Я нашел его в сети. На официальном сайте завода. Подожди, вот он.

Изображение сменилось. Примитивная, по современным меркам, веб-страница содержала несколько фотографий, крупным, броским шрифтом выделялся незамысловатый рекламный слоган «Наши вычислительные машины изменяют мир».

Чуть ниже еще одна надпись информировала:

«На постоянную работу требуются Просвещенные. Одержимым просьба не беспокоиться».

– Да чушь полная! Бред! Егор, над тобой просто неумно и зло пошутили, сам не понимаешь? – взъелся Чижов. – Сеть появилась двадцать лет назад! У кого угодно спроси!

– Сеть существовала и раньше, – не обращая внимания на возмущенный тон Чинова, ответил Травин. – Больше того, некоторые старые сервера сохранились до сих пор.

– И они работают? Спустя столько лет? – усомнился Максим. – Откуда ты вообще узнал про старую сеть?

– Случайно. Не все изданные на бумаге книги уничтожили, когда изводили под корень культ Прототипов. Понимаете, информацию на электронных носителях легко подделать. Нашу историю тщательно подчистили, в умы подрастающих поколений внедрили новую идеологию. Это нетрудно сделать, если контролировать сеть. Вот только со старыми печатными книгами все иначе. Можно сжечь их, вырвать страницы, но не изменить, понимаете?

– Не очень, – ответил Чижов.

– Мне в руки попало старое издание, не относящееся к запретной литературе, – терпеливо пояснил Травин. – Брошюру напечатали тридцать лет назад в типографии братьев Фринцгольф. Называется «Путеводитель по городской сети». Руководство для начинающих пользователей. Там я нашел адреса некоторых давно забытых сайтов, а главное, – протоколы передачи данных. Сейчас они изменились, но мне удалось написать специальную программу, с ее помощью сканировать сеть и соединиться с ее «реликтовыми» участками.

– Зачем кому-то фальсифицировать нашу историю? – скептически спросил Чижов.

– Я не успел разобраться. Только начал. Одно могу сказать точно – двадцать лет назад сеть не «возникла», как ты выразился, она лишь видоизменилась, усовершенствовалась с появлением нового оборудования.

– Короче, ты полез, куда не следует? – встрепенулся молчавший до сих пор Шепетов.

– Да, полез. Нашел старые снимки, вот эту страницу, немного текстов из книги Происхождения Прототипов. Узнал, что Святилища в прошлом пытались изучать, а не уничтожали в психозе!

– Ага. И чего добились? Появления мнемовируса? – Чижов грубо выругался.

Поддерживать разговор в таком тоне Травину совершенно не хотелось. Равно как выстав-
лять на всеобщее обозрение свои находки.

– Думай, что хочешь, мне все равно, – он перешел к списку файлов, бегло просмотрел его и собрался отключить кибстек, но Шустов не позволил.

– Чижов, заглохни пока со своими комментариями! А ты, Егор, не злись. Лучше объясни толково.

– Если честно, то у меня вопросов больше, чем ответов. Откуда Фринцгольфы получили технологию изготовления компьютеров?

– Сами изобрели? – предположил Шепетов.

– Нет. Не могли. Тридцать лет назад они владели несколькими заводами. Производили паровые машины. В ту пору даже двигатель внутреннего сгорания не был изобретен! И вдруг – компьютеры! Это сейчас мы к ним привыкли. А тогда? Самой идеи, концепции электронных вычислительных устройств просто не существовало!

– А это вообще важно? – снова не выдержал Чижов. – Много мы знаем о жизни Просвещенных? Они ведь всем управляют!

– А мы сырые и убогие? – раздраженно спросил у него Травин. – Так тебя понимать?

– Да прекратите уже! Как дети!

– Ладно, – Травин вновь включил кибстек. – Я думаю, что мнемовирус – это цена, которую мы все заплатили за прогресс.

– Кому заплатили? Почему? – у Максима возникали только вопросы.

– Вернее спросить: за что? – уточнил Травин. – И я отвечу: за те самые знания! За технологии, полностью изменившие мир. Обратили внимание на формулировку объявления о найме на работу? Требуется Просвещенные, а Одержимым просьба не беспокоиться.

– Ну да, странно звучит, кто бы спорил! А смысл в чем? – спросил Захар.

– Одержимые появлялись во все времена. Злобные, я бы сказал: сумасшедшие, – ответил ему Максим. – Их обычно изгоняли. Убивать опасались, считали, что нельзя, иначе дух Прототипа, овладевший рассудком, переметнется, – Шустов говорил уверенно, он не раз слышал об этом от отца, да и недавние события никак не шли из головы, вспоминалось перекошенное

лицо Миллигана, девочка, так внезапно изменившаяся, буквально на глазах, и рой зловещих огоньков, появившихся на заброшенной ферме после уничтожения Святилища.

– Ага, я понял, куда ты клонишь! Люди и раньше заражались мнемовирусом? Только называли это «одержимостью»?

– Да. Выходит, так.

– А кто же тогда Просвещенные? Тоже больные на всю голову?

– Не знаю, – сухо ответил Максим.

– Нельзя было трогать Святилища, – вступил в спор Шепетов. – Веками все жили спокойно. Я Одержимых видел в детстве. Они иногда к нам заходили.

– Зачем? – удивился Травин.

– Чтобы переправиться через пролив. На южный берег.

– И вы помогали? А что там вообще, за проливом? Остров?

– Нет, там большая земля. Хотя врать не стану, сам на другом берегу никогда не бывал.

– Ну, ничего себе! – удивился Чижев. – А я и не слышал даже, что есть еще один материк!

И в сети о нем ни байта!

– Ну почему же? – Травин не удержался. – В старой сети как раз упоминания есть. А новую, как я уже сказал, – вычистили. Та земля считалась запретной и проклятой. Верно, Андрей? Ты ведь вырос на побережье?

– Верно.

– Зачем же туда едем? – забеспокоился Чижев. – Приключений искать? Нам их что мало?

– Чем дальше от города, тем лучше, – прервал его Шепетов. – А Одержимые обычно никого не трогали. Приходили по ночам, и напрямик к проливу. У них лишь одно на уме, как на другой берег перебраться. Мы для них на причале лодки оставляли.

– И что? Срабатывало?

– Угу.

– Во, нормально! А как же имущество свое возвращали?

– Течением лодки назад приносило. К пристани, подле Святилища, – охотно пояснил Шепетов. – Так и жили. Пока нас оттуда не выселили, – с грустью добавил он.

– Егор, ты чего замолчал? Пара сомнительных фотографий, старый сайт, и это все?

– Тебе мало?! – неподдельно возмущился Травин. – С остальной информацией я толком еще не успел поработать. Много фрагментированных файлов, которые надо восстанавливать.

– Так все же – Прототипы существуют?! Кто они?! – спросил Чижев.

– Не знаю, Захар! Пытаюсь разобраться, но данных пока действительно мало.

Максим вел машину, прислушивался к разговору, думал. Скептицизм Чижева нетрудно понять. Зачем подделывать историю, дурить людям головы? В чем смысл?

«Не о том думаю!» – резкие, внезапные смены настроения, непонятные внутренние окрики душевного равновесия не добавляли, сбивали с мысли, вносили тревогу, сумятицу, и Шустов с угрюмым видом сосредоточился на дороге, старательно объезжая ямы и выбоины.

Травин отключил кибстек, и разговор угас сам собой.

* * *

К заброшенному рыбацкому поселку добрались лишь вечером.

После пятисот километров пути Максим чувствовал себя предельно уставшим, измотанным.

Вдоль дороги протянулась цепь пологих холмов. Между ними петляла речка, впадающая в залив. Противоположный берег пару раз мелькнул в поле зрения туманной полоской земли.

На оплывшей обочине валялся подгнивший столб. Табличка с названием населенного пункта выцвела, поржавела, буквы едва читались.

- Андрей, а как поселок-то назывался? – спросил Чижов не успев разобрать надпись.
- Укрепрайон-13.
- А что это значит?
- Ну, просто название, – Шепетов пожал плечами. – Старинное.

Дорога пошла под уклон, и вскоре Максим остановил машину на небольшой площади. В разные стороны разбегались кривые улочки. Давно покинутые людьми дома выглядели угрюмо. Темные, покосившиеся, они производили гнетущее впечатление.

– Здесь ты и родился? – спросил Багиров. Он спрыгнул с высокой подножки, настороженно осмотрелся.

– Ну да, – кивнул Шепетов, – вон пятый дом отсюда.

Максим выбрался из кабины, прошелся, разминая ноги.

В безветренной тиши слышался плеск и шелест волн. Шустов никогда раньше не бывал на берегу океана и, несмотря на усталость, пошел к воде.

Обрывистый берег расступался нешироким ущельем, вокруг вставали угловатые скалы, на узкой полоске галечного пляжа темнели перевернутые кверху днищем деревянные лодки, ржавела пара баркасов, на покосившихся шестах понуро висели обрывки сетей.

Максим подошел к воде, присел на корточки.

Соленый воздух нес особенные, незнакомые, тревожащие обоняние запахи. Линию прибоя четко обозначал неровный пружинистый вал из бурых высохших водорослей. Кое-где желтели выброшенные на берег стволы деревьев с ободранной корой.

– Нравится? – Шепетов подошел к воде, взглянул в даль.

Максим лишь пожал плечами. Особенного восторга он не испытывал, в окружающем чувствовался покой и... настороженность, словно все могло измениться в один миг.

– Здесь всегда так тихо? – спросил он.

– В это время года, вечерами, – да, – охотно ответил Шепетов.

Максим взглянул на туманную полоску чужого берега. Солнце уже коснулось линии горизонта, окрасило водную гладь в бронзовые оттенки заката.

– Бывал на том берегу?

– Нет.

– Что, ни разу? Почему? – удивился Шустов. – Неужели не любопытно, что там?

– Когда хорошая погода, в бинокль можно разглядеть макушки леса над линией скал, – ответил Андрей. – Туда переправлялись только Одержимые, я же говорил.

– И? – Максим вопросительно обернулся.

– Никто никогда не возвращался. Наши рыбаки из поселка тоже пропадали, но редко.

– Искали?

– Мы – нет.

– Почему? – удивился Максим.

– Традиции. Запрет, – лаконично и неохотно пояснил Шепетов. – Тот берег действительно всегда считался проклятым. И это не шутки, Макс. Примерно посередине залива проходит граница. Незримая линия, понимаешь? Кто ее пересек – пропал.

– Ты серьезно? А почему так происходит?

– Слушай, я понятия не имею! – Андрей начал нервничать. – Хочешь, верь, хочешь, нет, но существовал запрет. Никто нам ничего не объяснял, не пытался обосновать, просто взрослые говорили: «Нельзя». Я своими глазами видел, как лодки, случайно попавшие «за черту», уходили к противоположному берегу. Этого нам было достаточно, чтобы верить и не задавать вопросов.

– То есть жили в страхе? – уточнил Максим.

– Нет! Ты не понимаешь! – с досадой и даже обидой ответил Андрей. – Здесь, – он неопределенным жестом обвел окрестности, – безопасно. Никогда и ни с кем беды не приключалось.

Даже во время первой эпидемии мнемовируса мы жили относительно спокойно, пока не появились военные!

– А Святилище?

– Его взорвали. Патрули пытались береговую линию блокировать, Одержимых отлавливали, только без толку. В те дни народ сюда толпами валил. Люди с обрыва в залив бросались, кто не расшибался насмерть, к тому берегу плыл. Знаешь, Макс, думаю, Травин прав. Нет разницы в названиях. Мнемовирус, одержимость Прототипом, дело-то не в терминах! Люди себя одинаково ведут. Только раньше Одержимых по пальцам можно было пересчитать, а теперь – массовые психозы. Насмотрелся я, и в детстве, и сейчас, – он кинул в воду камушек. – Пошли, Макс, скоро темнеть начнет. Не нашего ума это дело. Не пойдем.

Шустов спорить не стал, но задумался. На протяжении всего пути, от промышленной окраины Нью-Строунхольда до этой рыбацкой деревушки, он, бросая взгляд по сторонам, никак не мог отделаться от ощущения, что машина движется по совершенно чужим, неизведанным землям. О существовании второго материка он даже не догадывался. Почему в школе, а затем в училище ни на одном из уроков не упоминалось о земле, лежащей за проливом? Что еще мы не знаем? О чем старательно умалчивают учебники и образовательные программы?

Он хмурился, вспоминая, – в центре внимания всегда находился город, словно за его чертой не существовало ничего?

Да так и есть! С появлением синтетических продуктов нужда в сельском хозяйстве отпала. Все небольшие поселения эвакуировали еще десять лет назад. Получается, крохи истинных знаний о недавнем прошлом сохранились только в памяти моего поколения и тех, кто постарше?

А ведь прав Егор: нашу настоящую историю вскоре изведут, как извели культ Прототипов.

Почему же раньше об этом не задумывался?

«Некогда было. Да и незачем, – честно ответил себе Максим, отгоняя тяжелые мысли. – Не нужны они. Не мне разгадывать тайны прошлого. Выжить бы, а там посмотрим».

* * *

Дом Шепетовых хоть и потемнел от времени, но оказался просторным, крепким. Стены, пол, потолок – все из дерева. Скрипучая лестница вела на второй этаж.

– Ого! – Чижов вошел, осмотрелся. – Семья у тебя большая была, да, Андрюха?

– Нет. Дом давно построен. Ему уж век, если не больше. А я был единственным ребенком в семье.

– Просторно тут. И комнат много. А родители твои? В городе?

– Умерли они, – скупно ответил Шепетов. – Наверху спальни, – он старательно уходил от тяжелых тем. – Выбирайте, кому какая понравится.

– Еды у нас нет, – сглотнув, произнес Травин. – А желудок сводит!

– До утра потерпишь, – ответил Шепетов.

– А что утром? Магазин откроется? – неуклюже пошутил Антон Багиров.

– Рыбы наловлю. С рассветом, – Андрей выглядел подавленным, растерянным. Максим его понимал. Тяжелое свидание выдалось. Родные стены, воспоминания...

– Воды сейчас из колодца принесу, – добавил Шепетов. – В общем, устраивайтесь.

– Машину куда загнать? – спросил Шустов. – На площади оставлять не хочу, мало ли что?

– В сарай. Пойдем, покажу.

Стемнело быстро. Краски заката угасли стремительно, в небе появились первые звезды. Максим, не зажигая фар, перегнал машину, вслед за Андреем вернулся в дом.

– Охрану выставить будем? – с порога спросил он.

– Зачем? В округе пусто, сам же видел, – откликнулся Чижов.

– Вот ты первым и будешь дежурить, – Багиров похлопал его по плечу. – Выспался в машине? Автомат возьми. А ты, Максим, отдыхай. Мы тут с радиостанцией разбираемся. Егор говорит, с ее помощью можно частоты военных ловить. Хотя в курсе будем, что в городе происходит.

– Ладно, – Шустов действительно едва держался на ногах. – Если что, будите.

Он поднялся по скрипучей лестнице, толкнул первую дверь. Небольшое помещение тонуло в сумраке. В небе высыпали звезды, взошла луна, ее неяркий свет дробился в частом переплете оконной рамы, ложился на пол желтоватыми пятнами.

В затхлом воздухе кружили пылинки. Хотелось открыть окно, впустить ночную прохладу, но Максим лишь вскользь подумал об этом, а делать ничего не стал, лег на жесткую кровать, повернулся набок и тут же провалился в глубокий сон.

* * *

Его разбудил отдаленный рокот.

Максим резко сел, еще не соображая, что происходит? Сумрак, запахи нежилого помещения, тонкий дребезжащий звон, бледное пятно лунного света на полу.

Холодный пот по спине. Нервы на пределе.

Он встал, подошел к окну. Стекла в разошедшей раме мелко вибрировали. С чего бы? Ветер поднялся?

На улице глубокая ночь, в доме тишина. Отдаленный гул, похожий на рокот двигателя, доносился со стороны пролива.

Максим схватил оружие, выскочил из комнаты.

На столе в общем зале стояла громоздкая радиостанция. Ее панель неярко светила, из динамиков слышалось потрескивание помех, сквозь которые прорывались едва различимые голоса.

– Третий понял, ложусь на курс...

– Одиннадцатый диспетчеру, к взлету готов.

– Восемнадцатый, загрузка завершена. Все системы проверены.

Антон Багиров спал за столом. Максим растормошил его.

– Ты чего? – он сонно приподнял голову. – Опять кошмары?

– Нет. Звук странный разбудил. Будто гул со стороны пролива. – Кто из наших снаружи?

– Чижов.

– Его еще не сменили?

Багиров взглянул на кибстек.

– Рано. Полтора часа прошло, – он услышал обрывок переговоров, подстроил частоту. – Спасибо, что растолкал. Сморило меня.

– Я выйду, прогуляюсь.

– Как хочешь, дело твое. Коммуникатор держи включенным, мало ли что, ладно?

* * *

– Не спится? – Захар Чижов скучал на крыльце.

– Гул слышал?

– Ну да. Со стороны пролива. А ты чего всполошился? Погудело и стихло.

– Мне показалось – двигатель.

– Не, Макс, это спросонья. Точно тебе говорю, на звук двигателя совсем не похоже.

– Я все же проверю, – Шустов понимал, что уже не уснет, а коротать ночные часы, вслушиваясь в треск помех, вылавливая на их фоне фразы радиопереговоров, гадать, что же происходит в городе, ему не хотелось.

Улицы рыбацкого поселка заливал неяркий лунный свет.

Шустов, стараясь держаться в тени домов, направился к бухте. Легкий ветерок нес с той стороны запомнившиеся с вечера запахи, тишина стояла звонкая, оглушающая. Для Максима она подсознательно ассоциировалась с чувством тревоги. В городе всегда что-то шумит: с улицы доносятся голоса прохожих, проезжают машины, в квартире шелестят вентиляторы системы очистки воздуха, где-то у соседей играет музыка или бормочет сферовизор. Сознание привыкает к фоновым звукам, как к некоему успокаивающему шепоту...

Он вышел к площади, замер, прячась за углом дома, затем короткой перебежкой пересек открытое пространство, проскользнул задворками какой-то приземистой постройки, оказался около ущелья, ведущего вниз, к берегу.

Тишина вдруг лопнула. Снова раздался протяжный отчетливый гул, земля под ногами передала легкую вибрацию.

Максим добежал до обрыва, лег на живот, замер, всматриваясь, прислушиваясь.

Берег выглядел совершенно пустынным. По глади воды, искажая серебристую дорожку лунного света, изредка перекатывались пологие волны, – они зарождались где-то далеко, в океане, с шелестом накатывались на узкую полосу галечного пляжа, ударялись о скалы.

Снова раздался отчетливый протяжный гул.

Максим сориентировался, присмотрелся.

Гудели камни. Массивные глыбы известняка громоздились на берегу, образуя подобие грота, волны ударяли в его низкий свод, высекали вибрирующий, медленно затухающий звук.

«Хорошо один пошел, – промелькнула мысль. – Сейчас бы меня на смех подняли за ложную тревогу».

Он обежал взглядом сумеречные контуры скал и неожиданно заметил рой огоньков, вьющихся вдалеке, над мысом.

Святилище Прототипов? Нетронутое?! – дрожь пробежала по спине. – Но ведь Андрюха Шепетов ясно сказал: его взорвали еще во время первой эпидемии мнемовируса! – Максим привстал, машинально отряхнул одежду, до рези в глазах всматриваясь в очертания мыса. Характерных мегалитов отсюда не разглядеть, слишком далеко, да и рой зловещих огоньков выглядел, как мятущееся над землей, меняющее форму световое пятно.

«Может, просто воображение разыгралось? Говорят, у страха глаза велики. Давай, переполюши всех, а окажется – лунный свет бликует», – голос рассудка за последнее время все чаще звучал с какой-то непонятной издевкой, словно принадлежал кому-то другому, оценивающему порывы Шустова со стороны.

«Ладно. Сам схожу, проверю», – подумал Максим.

* * *

Едва приметная тропка вилась среди скал по краю обрыва.

Шустов совершенно не так представлял себе побережье. В детстве родители обещали ему когда-нибудь съездить к океану, всей семьей, но так и не собрались. Зато Максим запомнил иллюстрации из книжки, которую любил листать, рассматривая яркие фотографии отлогих песчаных пляжей, бесконечной водной глади, сливающейся у горизонта с лазурью неба.

Только сейчас он невольно задумался над давними детскими воспоминаниями. Начальное образование он получил дома, учился по старым книгам, но трагические события перевернули жизнь, перечеркнули прошлое, он и не заметил, как многие понятия исчезли из лексикона. Такие, например, как «география»...

Он замедлил шаг, все чаще оглядываясь по сторонам, вороша память. Нет, он никогда не слышал о втором материке. О нем не упоминалось и в старых учебниках. Так что же за земля лежит по ту сторону пролива?

Осматриваясь, Максим начал невольно подмечать некоторые, необычные особенности рельефа. Водное пространство постепенно сужалось, в свете луны теперь виднелись очертания обоих скалистых берегов. Трудно было не заметить, что они повторяют контуры друг друга, словно когда-то являлись единым целым?

Что же тут произошло в далеком прошлом? Землетрясение, вызвавшее разлом земной коры? Так образовался пролив?

«Надо спросить у Андрея. Может, он что-то слышал, когда жил тут?» – подумал Максим, прячась за скалой.

Поселок уже исчез из виду. Легкий ветерок по-прежнему нес запахи океана, изредка слышался уже знакомый, доносящийся издалика гул, зато Святилище Прототипов заметно приблизилось, бледное пятно света разделилось на отдельные сгустки сияния, – сотни блуждающих огоньков роились над каменистой площадкой!

Вес оружия совершенно не успокаивал. Максим никогда прежде не видел такого скопления таинственных огней. Сколько ж их тут?!

Он затаился в укрытии, осторожно наблюдая. Святилище, как и сказал Шепетов, носило следы разрушений. Лишь два из девяти мегалитов возвышались над каменистой площадкой, остальные валялись поодаль, опрокинутые взрывом.

Место поклонения ограждал невысокий, сложенный из плитняка вал, на краю обращенного к воде обрыва Максим заметил арку. Присмотревшись, он различил вырезанную в скалах каменную лестницу, ведущую вниз, к обветшалой деревянной пристани.

Он окинул взглядом бухту и невольно вздрогнул от неожиданности.

На фоне лунной дорожки, протянувшейся по водной глади, промелькнул силуэт баркаса. Точно такие он видел ржавеющими на берегу! Максим прислушался, но не уловил характерного тарахтения двигателя. Разве что рыболовецкое судно переоборудовали, установили на нем водородный движок?

Нет, наверное, показалось...

Надо убираться отсюда. И остальных предупредить. Максим не хотел рисковать. Святилище действующее, невзирая на разрушения. И крайне необычное, учитывая количество блуждающих огней.

Надо держаться от него подальше. Что способен сотворить с человеком один такой «светлячок», Шустов видел воочию. Образ стрелявшей в него семилетней девочки до сих пор стыл в рассудке.

Он начал медленно отползать, когда услышал глухой удар. Взглянув вниз, Максим невольно замер. К причалу швартовался баркас! В нем было тесно от людей!

Приплыли с того берега?!

Рука непроизвольно коснулась коммуникатора.

– Антон? Слышишь меня? – шепотом спросил он.

В ответ раздался лишь шорох помех. Скалы блокировали связь, но он попытался снова, теперь на другом канале:

– Чижов? Багиров? Шепетов? Хоть кто-то меня слышит?

В тревожной ночной тишине раздался отчетливый звук шагов. Люди молча поднимались по каменной лестнице, проходили через арку, разбредались по площадке. Блуждающие огоньки тянулись к ним тающими во тьме огненными росчерками, начинали кружить, освещая бледные землистые лица, выхватывая из сумрака и другие подробности: одежда людей давно превратилась в лохмотья, потухшие взгляды, вялые движения вызвали жалость к ним, а крохотные огоньки все вились вокруг, на миг исчезали, появлялись вновь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.